

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2023

Е.Подкорытова. «Нарисовать Екатеринбург. Великий Князь Владимир Александрович».

РОМАНОВЫ. ЕКАТЕРИНБУРГ.

Елена ПОДКОРЫТОВА,

Художник.

После революции 1917 года история представляла правителей России в самом негативном образе – злых, глупых тиранов. И вот настало время узнать, а как было на самом деле. Как случилось так, что Россия сохранила территории, культуру и процветание, несмотря ни на что. А главное, как ею управляли государи российские, что хорошего они сделали для России и русского народа. Правда, как ростки весной, пробилась наружу сквозь землю и победила ложь!

Я как художник пришла к этой правде через творчество. Пишешь историю города и узнаешь людей, исторических персонажей, живших или посетивших наш Екатеринбург.

Посещали наш город и представители царствующей семьи Романовых.

Александр I приезжал в Екатеринбург в 1824 году. Пробыл 3 дня. В преддверии приезда государя на проспекте, получившем в честь августейшего гостя наименование Александровский (ныне ул. Декабристов), был выстроен новый деревянный мост через реку Исеть. После проезда по нему императорского кортежа мост стал называться Царским, или Александровским. В 1889–1890 годах, по проекту архитектора С.С.Козлова, Царский мост был реконструирован и возведен в камне.

Его императорское высочество Александр II посетил Екатеринбург в юном возрасте 26–27 мая 1837 года. Отец цесаревича Николай I придавал большое значение знакомству сына с регионами страны.

Великий князь Владимир Александрович – сын Александра II и отец старшего, по первородству членов императорской семьи ве-

ликого князя Кирилла Владимировича – обладал несомненным художественным талантом. Сам рисовал. Великий князь посетил Екатеринбург в 1868 и в 1887 годах. В 1887 году он организовал художественную выставку и подарил городу 14 картин из собрания Эрмитажа. Этот подарок заложил начало картинной галереи Екатеринбурга. Выставка проходила в здании Екатеринбургской мужской гимназии (ныне Гимназия № 9) на 2 этаже, где находился музей УОЛЕ.

Государь Николай II вместе с семьей были привезены в Екатеринбург после отречения государя от престола как пленники. К сожалению, именно в нашем городе они были зверски убиты...

Но я решила посмотреть по-другому на жизнь последнего императора. Это был прекрасный военный, много сделавший для российской армии, служивший России, у него была счастливая любящая семья. Любил спорт, занимался теннисом, коллекционировал автомобили, занимался фотографией... Любящий муж и отец.

Получилась небольшая серия исторических работ, посвященная истории России и нашего любимого Екатеринбурга, главными героями которой являются представители царствующей семьи Романовых.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
Я.С.Недвига
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко

чл.-кор. РАН, д.и.н.
И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Ярославль)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
ссылки на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке (1) Е.Подкорытова. «Александр II. Письмо от Рара».

(4) Е.Подкорытова. «Когда я вижу в саду пробитую тропу,
я говорю садовнику «Делай тут дорогу». Александр I».

Подписано в печать 30.06.2023 г.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

12+

ЗДРАВСТВУЙТЕ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

105 лет прошло с событий, когда в Екатеринбурге
была расстреляна семья Романовых и их приближен-
ные. И всё это время тема эта остается одной из слож-
нейших, одной из самых противоречивых и одной из
самых востребованных. Несмотря на обширные исто-
рические архивы, исследователи высказывают порой
противоположные мнения и гипотезы. Журналисты и
писатели, вновь и вновь пересказывая события тех
дней 1918 года, дают им противоречивые оценки.

Такое разнообразие точек зрения связано не толь-
ко с доступностью архивных документов, не только с
многократными изменениями идеологических при-
оритетов, но и с тем, что у современного человека
оценка событий 100-летней давности диктуется со-
временными взглядами на жизнь, не просто бывает
понять причины поступков людей в другом истори-
ческом периоде и в другой социально-исторической
обстановке.

К тому же, все мы разные, со своими взглядами на
жизнь, оценками людей и событий, со своими причи-
нами, по которым обращаемся к тем или иным темам
прошлого.

Этот спецвыпуск журнала подготовлен совместно
с Благотворительным фондом «Мемориал Романо-
вых» и выходит в преддверии Романовских чтений.
На его страницах представлены статьи некоторых
авторов – участников конференции. Они посвящены
очень разным аспектам так называемой романовской
темы, связанным и с историческими событиями, и с
людьми – участниками этих событий, с сохранением
памяти, с популяризацией истории, и развитию ее в
современном мире.

Надеюсь, что спецвыпуск будет интересен и по-
знавателен для наших читателей.

Татьяна Богина,
главный редактор

ВЕСИ

№ 5
(195) 2023
июнь
спецовыпуск

К 300-летию Российской академии наук
К 300-летию города Екатеринбурга

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Елена Подкорытова</i>	
Романовы. Екатеринбург.....	1
<i>Андрей Ермоленко</i>	
Основание Екатеринбурга. Конфликт Татищева и Демидовых.	4
<i>Евгений Бурденков</i>	
«Атамановские номера»: история усадьбы.....	7
<i>Илья Коровин, Ольга Потёмкина, Елена Шушарина</i>	
Знаменитая Весёлкина	12
<i>Алексей Казаков</i>	
«Приветствует мой стих молодых царевен...»	18
<i>Владимир Полищук, Ольга Пушкаревич</i>	
«Белые пятна» Императорского маршрута	22
<i>Виталий Шитов</i>	
Первый конспиролог в царском деле.....	25
<i>Анна Мельник-Боткина</i>	
Евгений Сергеевич Боткин. Страстотерпец	42
<i>Михаил Вебер</i>	
К вопросу о состоянии здоровья и причинах смерти следователя Н.А.Соколова	50
<i>Благотворительный фонд «Мемориал Романовых»</i>	<i>63</i>

Журнал подготовлен совместно с Благотворительным фондом
«Мемориал Романовых»

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИССИИ.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

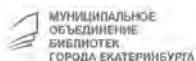
ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АИЖ ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АИЖ ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

Управление культуры
Администрации Екатеринбурга

ОСНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА. КОНФЛИКТ ТАТИЩЕВА И ДЕМИДОВЫХ.

РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕ ГЕННИНА
И ВЫБОР ИМЕНИ ДЛЯ ЗАВОДА-КРЕПОСТИ

Андрей ЕРМОЛЕНКО

Уральский федеральный
университет,
г. Екатеринбург

Историческая дата основания Екатеринбурга – 18 ноября 1723 года. Традиция горнозаводского Урала в том, что датой основания городов считается день начала производства на заводе, а не начало его строительства или не первое упоминание в исторических документах (так дату своего основания отмечает, например, Москва).

Отметим, что железодельные заводы в черте современного Екатеринбурга действовали и раньше: так, в 1704 году начал работать Уктусский завод, но из-за низких производственных мощностей производство было свернуто. Впрочем, благодаря «командировке» на Уктусский завод в 1720 году на Урале появился деятельный капитан артиллерии Василий Никитич Татищев.

Именно Татищев отыскал удобное место для строительства мощного завода. Строительная площадка для возведения завода (то самое место, где сейчас в Екатеринбурге плотина городского пруда и Исторический сквер) была «присмотрена» им в январе 1721 года вместе с заводским комиссаром (управителем) Уктусского завода Бурцевым и пленными шведскими офицерами – бомбардиром Шульцем и ротмистром Шенстремом, которым помогали уктусские плотинные мастера Мелентьев и Михайлов, подмастерье Черепанов и рудный мастер Бабин.

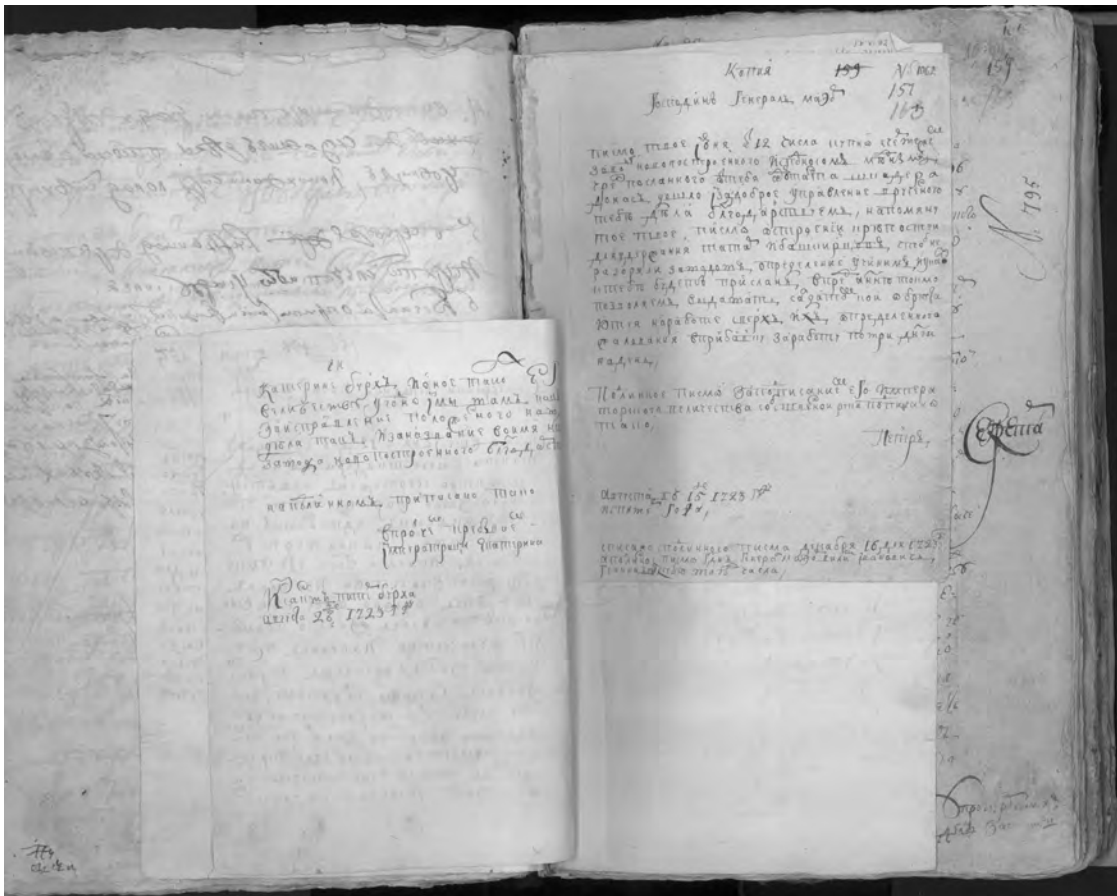
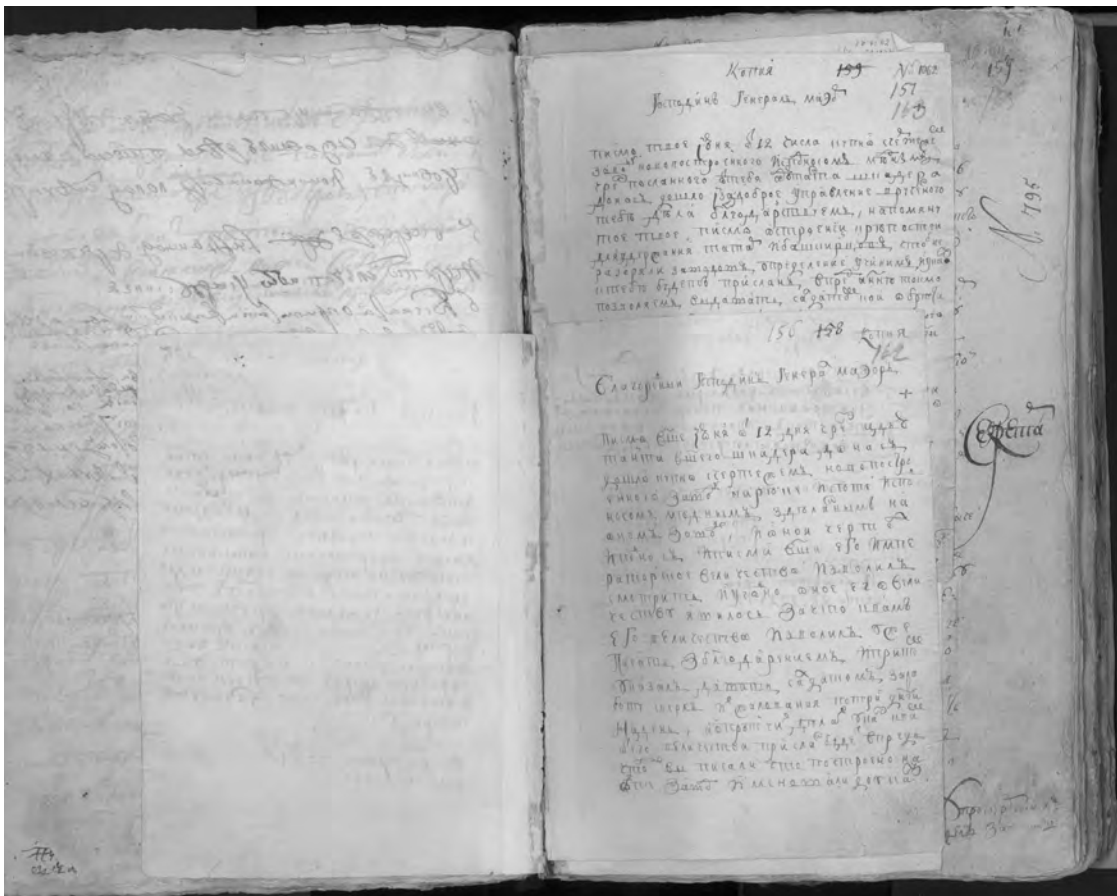
Василий Татищев не только выбрал удобное место для обустройства заводской плотины и строительства заводских фабрик, но и определил, что именно здесь расположится центр государственного управления горнозаводским краем. Бурная деятельность Татищева очень не понравилась Демидовым, чьи заводы на Урале

работали уже около 20 лет. Камнем преткновения стала Курьинская пристань на реке Чусовой.

Эта пристань, ориентированная на сплав по воде продукции казенных уральских заводов, была заложена еще в 1703 году. Пристань была построена неподалеку от камня Курьинского сыном боярским Михайлой Бибиковым. Курьинская пристань – казенная, и строилась она для сплава по Чусовой продукции Алапаевского и Синячихинского казенных металлургических заводов.

Впрочем, в начале XVIII века казенные заводы работали нестабильно, и Курьинская пристань подолгу простаивала без дела. В отсутствие собственной пристани на нее обратили внимание Демидовы – Никита и его сын Акинфий. Курьинская казенная пристань в то время, в отсутствие других пристаней, была наиболее удобной для доставки продукции демидовского Невьянского завода. Присутствие Демидовых на Курьинской пристани уже в 1709 г. подтверждается Пермской летописью. Во время большого набега башкир на верхнюю Чусовую Акинфий Демидов сообщает письмом верхотурскому воеводе, «что выжгли Башкирцы в Курьинской деревни, на Чюсовской пристани, строение батюшки моего двора». До появления на Урале горного начальства в лице Василия Никитича Татищева вопросами доступа Демидовых к пристаням ведало верхотурское воеводство, с которым у Демидовых наверняка было «всё схвачено».

Василий Татищев, прибыв на Урал, стремится во всем навести порядок и отрегулировать нецелевое использование казенного имущества – земель и особенно при-

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23а. Л. 162-163. 28 августа 1723 г. Письмо Екатерины Алексеевны В.И. Геннину о согласии Петра I назвать Исетские заводы Екатеринбургом.

станей. «А в прошлом 721-м году по прибытии на Уктусские заводы артиллерии капитана Василья Татищева з бергмейстером Близром по указу оная Уткинская слобода и при ней пристань, такожь и Курьинская пристань, на которую привозитца железо с Алапаевских и Синячихинских заводов, приняты в ведение берг-коллегии и Сибирского обербергамта», – писал Виллим де Геннин.

Таким образом, Василий Никитич Татищев вступает в конфликт с Демидовыми, в первую очередь, из-за использования первыми уральскими предпринимателями Курьинской пристани. Никита Демидов обращается с письмом к Петру Первому, в котором доносит на чиновника, ложно обвиняя во взятках. Ответ государя последовал незамедлительно: царским указом Татищева отстраняют от должности. Для расследования этого дела Петр Первый отправил на Урал инспектора, генерала Вильгельма де Геннина. Тот, впрочем, никакой вины Татищева не нашел и разобрался в конфликте по существу.

Курьинская пристань стала предметом рассмотрения на самом высоком уровне – ей подробно уделено внимание в письме Геннина Петру Первому 20 августа 1724 года. «Понеже на Курьинской пристани при Чусовой, где уже Демидов многие годы железные припасы грузит и отпускает и оным местом владеет по прежнему указу, о которой пристани жалобы были Вашему Императорскому Величеству, что бывший Капитан Татищев, а ныне Берг-Советник, его, Демидова, с того места выживает и не дает Государевы и партикулярныя вещи грузить». Чтобы прекратить дальнейшую тяжбу и жалобы заводчика, «то я ему, Демидову, оное место под пристань отмежевал, которым он уже довольно владеет, а вместо той пристани он, Демидов, сделал пристань Вашему Величеству своим иждивением на 300 сажень повыше его пристани на удобном месте». Далее де Геннин подробно обосновывает свое решение и приводит убедительные доводы, почему «не надлежит двум караванам

разных промышленников, хотя б они и в союзе были, при одной пристани вместе грузить».

В заключение он обращается к Петру Первому с просьбой: «Того ради всенижайше прошу Вашего Величества Всемилостивейшего Государя, да соблаговоли Сам собственною своею рукою подписать для верности и лучшего надеяния, чтоб ему, Демидову, Курьинскую его пристанью владеть и впредь надежно было без опасности, и никто б не мог отнять».

Конфликт таким образом с трудом, но был улажен. Демидовым было предписано впредь самовольно казенного имущества не захватывать, но при устройении заводов и пристаней уведомлять казну (Берг-коллегию и горных чиновников в Екатеринбурге) заблаговременно.

Из-за конфликта Татищева и Демидовых и последующего расследования де Геннина, а также долгой переписки с Петербургом, строительство завода на Исети «притормозилось» на два года. Татищев был оправдан, однако дальнейшим устройением казенного завода на Исети занялся де Геннин.

Весной 1723 года началось строительство завода на Исети и крепости вокруг нее. Желая угодить императору, де Геннин решил назвать новый завод в честь второй супруги Петра Первого, Екатерины Алексеевны. Примечательно, что императрица сама благодарила генерала за это в письме в августе 1723 года: «Что же вы писали, что построенный на Исете завод именовали, до указа, Екатеринбурх, и оное також его величеству угодно. И мы вам как за исправление положенного на вас дела, так и за название во имя наше завода новостроенного благодарствуем».

В осенний день, 18 ноября 1723 года, был открыт рабочий прорез заводской плотины, вода хлынула на водобойные колеса, и в цехах железоделательного завода на берегах реки Исети состоялся первый пробный пуск вододействующих кричных молотов.

После окончания строительства завода Вильгельм де Геннин пишет в Тобольск, в центр губернии, к которой относился

новостроенный город: «Новую крепость, которая построена в Угорской провинции при реке Исети, и при ней заводы с разными фабриками и мануфактуры называли Екатеринбург, для памяти в вечные роды и для вечной славы ее величества всемилостивейшей государыни императрицы. И ежели какие промемории надлежит вам присылать, то писать: в Катеринбург, в Сибирский обер-бергамт».

Таким образом, столица горнозаводского Урала, город, основанный в 1723 году, получил имя в честь супруги Петра Первого – Екатерины Первой. Название это предложил основатель нашего города, опытный государственный деятель Виллим де Геннин, убив этим двух зайцев: во-первых, польстил Петру, во-вторых, защитился высочайшим благословением от противодействия Демидовых, которые были крайне недовольны строительством казенных заводов на «своих» землях.

Бытует версия, что город назван в честь святой великомученицы Екатерины Египетской. Не разделяю этого мнения – в таком случае город назывался бы «Санкт-Екатеринбург», наподобие Санкт-Петербурга, названного именно в честь святого – апостола Петра. Тем более, что в переписке де Геннина с Петром Первым и Екатериной Алексеевной прямо упоминается, что новая крепость на реке Исети названа в честь государыни.

Екатерина Первая – правящая государыня после смерти Петра (она пробыла у власти недолго, с 1725 по 1727), российская императрица с 1721 года при жизни своего супруга – Петра Первого. С 1712 года – жена Петра Первого. Важно отметить, что жена – любимая, и в связи с этим идея де Геннина выглядит особенно дальновидной.

«АТАМАНОВСКИЕ НОМЕРА»: ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ

Евгений БУРДЕНКОВ

Заведующий
научно-исследовательского
центра Музея Истории
Екатеринбурга.

ПЕРВЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ ЗЕМЛИ

В XIX веке земля, на которой построят усадьбу № 21 на Главном проспекте, на пересечении с улицей Успенской (сейчас это Вайнера), принадлежала купцам Набатовым. Самым известным представителем этого рода стал Василий Александрович Набатов, который владел участком где-то в районе 1830–1850-х годов.

Чем так прославился Василий Набатов? Он вел дневник, в котором подробно описывал исторические события, свидетелем которых стал. Дневник сохранился до наших дней и был частично опубликован в издании «Екатеринбург: Листая страницы столетий (1723–2008)». Вот, например, как Набатову запомнился визит в наш город цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II, в 1837 году: «По должности моей от гильдии гласным градскою думою и по воле купеческого общества я имел щастие быть командированным в квартиру Его Высочества для исполнения от граждан всех потребностей для угощения Его Высочества и свиты».

4 и 5 ноября 1843 года Василий Набатов писал в своем дневнике об именинах известного купца Аники Терентьевича Рязанова: «Был бал с музыкой и танцами! – у коренного старообрядца – доселе сего не бывало!»; «Начались спектакли или театральные представления прибывшею труппою актеров из Казани содержателя Соколова. Помещение в старом здании заводской больницы или казармы, на берегу Исети близь нового каменного Ивановского моста. Чего здесь тоже здавняго времени не бывало. О времена! О нравы! О светское просвещение!!!»

Подробно он описал и посещение Екатеринбурга герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в сентябре 1845 года: «День был прекрасный, ведренный, вечером освещение города площадками было хорошо, и герцог изволил прокатиться по Главному проспекту с генералом Глинкой»; «Изволил ездить для обозрения Березовского и Пышминского заводов и на золотые прииски, где происходила охота на зайцев, герцог сам застрелил до восьми зайцев». Также Набатов рассказал и о бале, который дали в честь приезда герцога: «Пред домом, где происходил бал, по плотине и далее по проспекту была устроена великолепная иллюминация: транспаранты, вензеля, щиты, пирамиды и Триумфальные ворота были освещены разноцветными стаканчиками и фонарями. Везде по городу горели тысячи плашек, а на Плешивой горе смоляные бочки. Народу было много множество, так что от Екатерининского и до Кафедрального соборов с затруднением было проезжать и проходить».

Василий Набатов умер в 1850-е годы. Земельный участок унаследовал его сын Семен. Если судить по плану 1856 года, к этому времени на участке так ничего и не построили.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОСТИНИЦЫ

В 1887 году в справочнике Ильи Ивановича Симанова это место все еще числится пустым. В то время собственниками были уже наследники умершего Семена Васильевича Набатова – его сестры Анна Васильевна Шарова и Мария Васильевна Набатова. А распорядился землей купец Александр Семенович Шаров – муж Анны

Васильевны. Мы уже писали о них, когда рассказывали историю усадьбы на Ленина, 16. В том же году Александр Шаров подал прошение о строительстве на углу Успенской улицы и Главного проспекта каменных лавок.

В 1890-е годы землю приобрел купец 2-й гильдии Владимир Яковлевич Атаманов.

Он же владел зданием неподалеку, на Успенской, 2, где открыл ренсковый погреб (магазин, торгующий напитками навынос), магазин галантерейных и колониальных товаров, а также меблированные комнаты. Владимир Атаманов был активным общественником: гласным городской думы, председателем попечительского совета богадельни, председателем совета Сибирского торгового банка, старостой Кафедрального собора.

В 1893 году он начал строить трехэтажный дом на участке на Главном проспекте, 21. После окончания строительства здесь открылась гостиница «Атамановские номера».

Владимир Атаманов умер в 1900 году. После его смерти было создано товарищество «В.Я.Атаманова наследники», учредителями которого стали вдова Надежда Дмитриевна, дочь Надежда, сыновья Николай и Сергей. Товарищество продолжило развиваться в том же направлении: галантерейно-мануфактурной и винной торговли, а также гостиничном бизнесе. «Атамановские номера» находились только в части здания на Главном проспекте, 21. Остальные помещения на первом этаже сдавались внаем. Там находились магазин книг и учебных пособий «Польза» и модный магазин «Парижский шик». В последнем можно было купить, к примеру, костюмы, платья, блузы, верхние и нижние юбки, чулки и дамское белье.

По слухам, в декабре 1905 года в гостинице Атаманова несколько дней провел Яков Свердлов, скрывающийся от полиции.

КАК В ГОСТИНИЦЕ УДЕРЖИВАЛИ КНЯГИНЮ ЕЛИЗАВЕТУ ФЕДОРОВНУ

После революции в 1918 году, по воспоминаниям Владимира Петровича Аничкова, в «Атамановских номерах» разместили великую княгиню Елизавету Федоровну, а также князей Игоря, Иоанна и Константина Константиновича: «За несколько дней до высылки князей в Алапаевск была привезена из Москвы постригшаяся в монахини великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого великого князя Сергея Александровича и родная сестра императрицы. Ее поместили в «Атамановских номерах», где стояли и все молодые князья. Ее выслали из монастыря, дав на сборы не более часа. Коммунисты, очевидно, боялись народного волнения, так как Елизавета Федоровна своей благотворительностью и строгой монашеской жизнью приобрела в России большую популярность и любовь народа. Теперь же ее вместе с князьями отпра-

Траурная процессия с телом князя Д.Гагарина на Кафедральной площади Екатеринбургa. 7 сентября 1895 года.
Фото Вениамина Метенкова. ГАСО.

Екатеринбургское Отдѣленіе.

„Парижскій Шикъ“

домъ Атаманова, Главный просп.

Къ каждому сезону въ громадномъ выборѣ послѣднія
новости.

Костюмы,

Платья,

Блузы,

верхнія юбки,

нижнія юбки,

чулки,

Капоты,

Матинэ,

Нушаки,

Редикюли,

Воротнички,

Галстухи,

ДАМСКОЕ БѢЛЪЕ.

Цѣны самыя умѣренныя, безъ запроса.

Здание в начале XX века.

Екатеринбургский купец Атаманов Владимир Яковлевич с семьей.
В.Метенков, фотография на паспорту.

ляли в Алапаевск». В Алапаевске все они были убиты.

ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

После Гражданской войны бывшие «Атамановские номера» превратили в общежитие № 1, которое назвали «Дом советов». В нем располагалась Американская администрация помощи (АРА). «В Екатеринбургской губернии ею открыт ряд столовых, снабжаются детские дома и больницы, – всего свыше 100 питательных пунктов, отпускающих голодающему на-

селению, как взрослому, так и детям свыше 100 000 пайков» (из справочника-путеводителя «Советский Екатеринбург», 1922 год).

В 1925 году здание бывших «Атамановских номеров» называлось общежитием № 2. В 1926 году это была гостиница коммунального треста № 2 «Эльдорадо». Вот как об условиях проживания там говорится в путеводителе «Свердловск в кармане»: «Номера в гостиницах сдаются посуточно на срок не более 2-х недель, по цене от 1 р. 50 к. до 11 р. в сутки».

В 1929 году здание принадлежало Полномочному представи-

тельству ОГПУ по Уралу. В 1930-е годы – НКВД. По телефонному справочнику мы можем узнать, что в 1936 году там находился книжный киоск НКВД. Также в здании проживали сотрудники Управления НКВД по Свердловской области. Например, Макарыч Константинович Бабушкин – оперуполномоченный третьего отделения четвертого отдела УГБ УНКВД Свердловской области. Известно, что в 1937 году он был уволен. Скорее всего, расстрелян.

После перестройки соседнего здания на Ленина, 19, бывшие «Атамановские номера» вошли в единый архитектурный комплекс областного управления НКВД. Оно не имеет отдельного входа со стороны парадного фасада. На здании установлены две мемориальные доски. Одна – Фитину Павлу Михайловичу – организатору и руководителю внешней разведки СССР в 1939–1946 годы. Он работал в этом здании начальником УМВД по Свердловской области в 1953 году. Известно, что до этого он успел возглавить в 1947–1951 годах областное управление Министерства государственной безопасности. В этом качестве он на месте курировал «Атомный проект», в том числе строительство закрытых городов и предприятий атомной промышленности.

А вот вторая доска посвящена Великой княгине Елизавете Федоровне. В 1918 году Елизавета Федоровна вновь прибыла на Урал, но уже как ссыльная. В газете «Уральская жизнь» сообщалось: «Арестованная 8 мая бывшая в. к. Елизавета Федоровна направлена в Екатеринбург. <...> в 7 часов вечера [в Москве]... Великой княгине [объявили], что в 8 вечера уходит в Екатеринбург поезд, в котором для нее имеется специальный вагон. В 8 часов вечера она отправилась в Екатеринбург, где она будет жить на свободе. Княгине заявили, что это не арест, а только высылка». Из этой заметки очевидно, что Елизавета Федоровна из Москвы была направлена поездом сразу в Екатеринбург, а в Перми могла быть сделана лишь непродолжительная остановка – жить там несколько дней, как об этом пишется

в некоторых изданиях, она не имела возможности.

11 мая она прибыла в Екатеринбург вместе с сестрами Марфо-Мариинской обители Варварой Яковлевой и Екатериной Янышевой и поселилась в недорогой гостинице – так называемых Атамановских номерах, где до этого уже остановились князья императорской крови: Иоанн Константинович с супругой Еленой Петровной, Константин и Игорь Константиновичи, а также князь Владимир Палей, высланные на Урал раньше».

Проживание в «меблированных комнатах Атаманова» было относительно недорогим: от 75 копеек до 2 рублей в сутки (для сравнения – номер в гостинице «Американской» стоил от 1 до 4 рублей).

В сопроводительном письме ВЧК о направлении Великой княгини и двух ее спутниц в Екатеринбург напротив их имен имеется пометка: «гост. Атаманова, № 19». Это, вероятно, номер комнаты, которую занимала Елизавета Федоровна. На плане гостини-

Начало XX века.

цы, сохранившемся в ГАСО, этот номер значится на 2 этаже, общая площадь его составляла около 8 кв. саженей или 36,5 кв. метров, два окна выходили на Главный про-

спект (ныне – пр. Ленина) – их хорошо видно на современной фотографии.

Здание в наши дни.

ЗНАМЕНИТАЯ ВЕСЁЛКИНА

**Илья КОРОВИН,
Ольга ПОТЁМКИНА,
Елена ШУШАРИНА.**

В 1942 году из Свердловска была выслана преподавательница кафедры иностранных языков Уральского индустриального института 49-летняя Асалия Израилевна Левенберг-Янушпольская. Ее жизнь и до этой высылки была настоящим испытанием. В 1937 году был арестован и расстрелян ее муж, главный инженер Уралмашзавода Мирон Григорьевич Левенберг; Асалия Израилевна тоже была арестована и осуждена как член семьи изменника родины; пережила Свердловскую и Кунгурскую тюрьмы, трехлетнюю ссылку в Казахстан. В октябре 1940 года Асалия Израилевна вернулась в Свердловск, и ее вновь приняли на работу на кафедру иностранных языков. Ольга Михайловна Весёлкина и другие коллеги Асалии Израилевны ценили образованного, высококлассного педагога: еще до революции Асалия Израилевна окончила историко-филологический факультет Киевских высших женских курсов, а в советское время – Ленинградские высшие государственные курсы языков. Она свободно владела английским, немецким и французским языками.

По воспоминаниям самой Асалии Израилевны, в мае 1942 года во время перерегистрации паспортов ей вдруг объявили, что у нее как у имеющей судимость нет права проживать в Свердловске, который был тогда режимным городом. Асалия Израилевна подала ходатайство об отмене постановления о выселении ее из Свердловска. Ходатайство поддержал и ректор Индустриального института Аркадий Семенович Качко. Однако всё было тщетно, и Асалия Израилевна была вынуждена покинуть город и переехать в Ара-

**Ольга Михайловна
Весёлкина**

милский район Свердловской области. Там она работала учителем в Уралтальковской средней школе № 3.

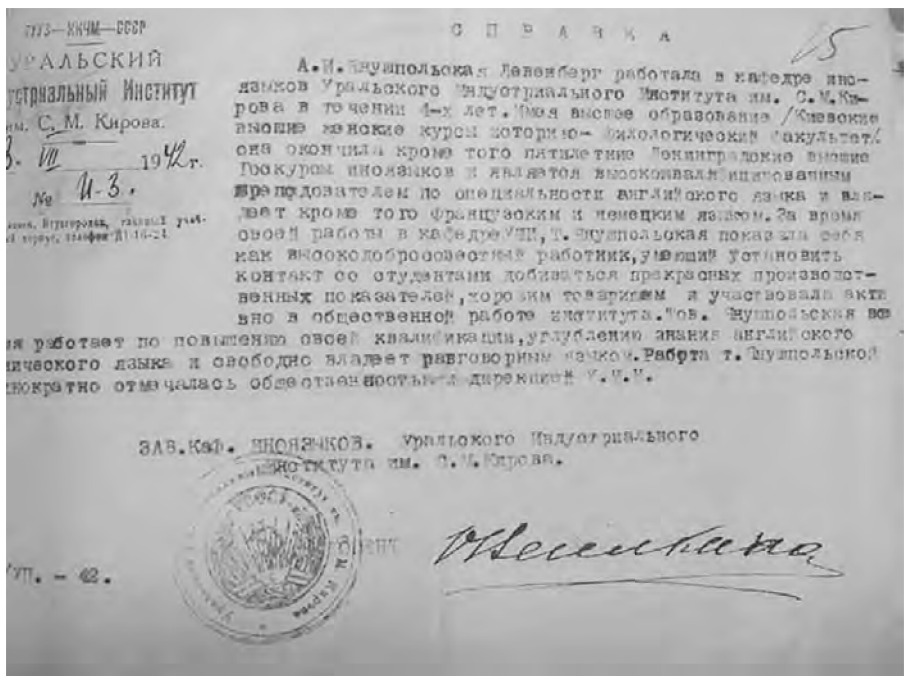
В течение трех лет, до 1945 года, Ольга Михайловна Весёлкина была за возвращение Асалии Израилевны в институт. Сама Ольга Михайловна – 60-летняя, страдающая тяжелыми хроническими заболеваниями – тоже находилась на «особом счету» у советской власти. Ее как дворянку по происхождению еще в 1923 году арестовали в Москве и отправили в административную ссылку на Урал, лишив заодно и избирательного права (правда, в 1930 году его милостиво вернули). Несмотря на такую «опасную» биографию, Ольга Михайловна отважно сражалась за коллегу: совместно с ректором института она неоднократно обращалась в органы НКВД.

Вот выдержка из одного такого обращения: «В 1942 году, в связи с паспортизацией, ей было предложено выехать из Свердловска.

В настоящее время она работает в средней школе, где используется не по своей квалификации. Зная тов. Янушпольскую как хорошего, честного и добросовестного работника, Уральский индустриальный институт заинтересован в возвращении ее на работу, где она может быть использована по своей специальности преподавателя старших курсов ВТУЗов». Сама Асалия Израилевна также обращалась во все возможные инстанции: так, в деле хранится ее обращение к Л.П.Берии в октябре 1942 года с просьбой о снятии судимости и разрешении вернуться в Свердловск. Ни одно из ее обращений не было удовлетворено. В июле 1945 года Асалия Израилевна писала председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калинину: «Моя просьба об ускорении решения по моему делу вызвана, в частности, и тем, что скоро начинается новый учебный год, который я хотела бы провести в Уральском индустриальном институте, который предлагает мне работу сразу при моем возвращении в Свердловск. Отсутствие ответа из Москвы в ближайшее время лишит меня этой возможности».

Летом 1945 года эта трехлетняя борьба, которая потребовала столько смелости и упорства от каждого из ее участников, завершилась победой – с Асалии Израилевны Левенберг-Янушпольской сняли судимость и позволили ей вернуться в Свердловск, где она продолжила преподавать. Впоследствии и Асалия Израилевна, и ее муж Мирон Григорьевич были полностью реабилитированы.

В начале XX века Ольга Михайловна Весёлкина руководила Александровским институтом благородных девиц в Москве и одновременно возглавляла Попечительский комитет Иверской общины сестер милосердия Российского Красного Креста, которая находилась под покровительством Великой княгини Елизаветы Федоровны, супруги Великого князя Сергея Александровича Романова, московского генерал-губернатора, погибшего от бомбы террориста Каляева.

Характеристика А.И.Левенберг от О.М.Весёлкиной.

Елизавета Федоровна и Ольга Весёлкина.

Начиная с 1909 года, Ольга Михайловна входила в ближайшее окружение Великой княгини и была ее соратницей в делах милосердия и попечительства. Она состояла в доверительном общении с другими представителями правящей династии, чудом избежав их участи.

Ольга Михайловна была дамой благородного происхождения. Ее фамильные корни уходят глубоко в древность и имеют отношение к другой правящей династии – Рюриковичей. В ее крови смешались гены древних аристократических

родов Германии, Италии, Польши и Франции.

Так, портрет ее прапрадеда магната Станислава Потоцкого представлен в постоянной экспозиции Лувра. Императрица Екатерина Великая пожаловала ему несколько имений в России. Его супруга Жозефина Амалия Мнишек, любимица Екатерины II, была из тех самых печально известных Мнишек и одновременно представительницей древнейшего германского аристократического рода Брилей. Прадед Ольги Михайловны – герой войны 1812 года

Станислав Потоцкий.

**Отец
Ольги Михайловны Весёлкиной.**

**Михаил Михайлович Весёлкин –
брат Ольги Михайловны,
контр-адмирал свиты Николая II.**

Алексей Бахметьев, возглавлял Екатеринбургский пехотный корпус, который принимал участие в Бородинском сражении.

Отец Ольги Михайловны – тайный советник Весёлкин, происходил из древнего дворянского рода, имевшего владения в Рязанской и Пензенской губерниях.

Брат – Михаил Михайлович Весёлкин, контр-адмирал свиты императора, с 1908 года – флигель-адъютант Николая II, в 1916–1917 годах – комендант Севастопольской крепости.

Сама Ольга Михайловна не была замужем и не имела детей,

что не мешало ей быть выдающимся педагогом. Любопытно, что на посту руководителя Александровского института благородных девиц в Москве она сменила свою мать – Матильду Валерьяновну Весёлкину, которая руководила им одиннадцать лет. Мать происходила из древнейшего рода Столыпинах. Ее прародитель Алексей Емельянович Столыпин – пензенский помещик, губернский предводитель дворянства, был прадедом М.Ю.Лермонтова и прапрадедом П.А.Столыпина. Также ее мать была двоюродной сестрой матери Николая Бердяева.

Не изменяя себе, она смогла найти себя в новых реалиях и принести пользу Отечеству. Продолжала быть педагогом, организовывать образовательный процесс языкознания и до конца жизни оставалась благотворителем.

Сама Ольга Михайловна получила блестящее образование. Окончила с серебряной медалью Московское училище ордена Святой Екатерины. Получила «шифр» – специальный знак, позволивший ей в дальнейшем служить при дворе. Возможно, отсюда родилась легенда о том, что она была фрейлиной. Изучив все придворные календари, упоминаний, что Весёлкина была фрейлиной, увы, нет.

Весёлкина продолжила образование на историко-филологических курсах профессора Герье. Изучала педагогику в Сорбонне. Кроме того, стажировалась в университетах Германии и Швейцарии.

На традиционных общих фотографиях мы видим ее с ученицами и инспектором учебного процесса А.А.Пушкиным – старшим сыном поэта. Закончив военную службу в чине генерал-лейтенанта, он до конца жизни занимал должность почетного опекуна Московского опекунского совета Учреждений императрицы Марии. Умер от разрыва сердца в 1914 году, узнав о

Михаил Весёлкин (слева) и Николай II.

начале войны. В Иверской общине Ольга Михайловна сотрудничала с его младшей дочерью – внучкой Пушкина, Надеждой.

В 1918 году жизнь свела ее с третьей представительницей фамилии Пушкиных – старшей дочерью поэта Марией Александровной Гартунг. После Октябрьской революции Весёлкина продолжала жить в Москве. Работала в Румянцевском музее в должности помощника заведующего техотделом библиотеки. В это время она сумела приобрести дневники поэта 1833–1935 годов. Мария Александровна была уже в очень преклонном возрасте (85 лет) и, естественно, нуждалась в поддержке.

И эту поддержку ей оказывала Ольга Михайловна. К тому же она спасла от разграбления часть архива семьи Пушкиных, выкупив бумаги и передав их в Румянцевский музей.

Также она передала унаследованные ею портреты Лермонтовых, поэта и его бабушки в Мураново, усадьбу Тютчевых-Баратынских, ставшую впоследствии Музеем быта XIX века, а спустя некоторое время – Домом-музеем Ф.И.Тютчева.

Весёлкину ценили в Румянцевском музее, снимали для нее две комнаты в Афанасьевском переулке, чтобы она могла вести научную работу. Но время было сложное. Исследователи уверены, что она была арестована ОГПУ и сослана в Сибирь по доносу сослуживца – писателя-романиста Анатолия Виноградова, несмотря на то, что была посаженной матерью на его свадьбе. Посаженым отцом был князь Голицын. На него Виноградов тоже написал донос. Голицына уволили с поста директора Румянцевского музея, после чего его занял сам Виноградов, но ненадолго – позже он возглавил выделившуюся из музея Румянцевскую библиотеку, на основе которой в 1924 году была создана Государственная библиотека СССР им. Ленина. «Румянцевское дело» было большим. В музее выявили настоящее «контрреволюционное гнездо». В нем «окопалось» 62 потомствен-

Форма № 2

Листок по учету кадров

Весёлкина
фамилия **Весёлкина** отчество **Михайловна**

3. Год и м-я рождения **27/11-1893** 4. Место рождения: **М. Корсунь Каневского уезда, Киевской губ.**

5. Место рождения в настоящее время или деления: **Киевская обл. (Шевченковский)**

6. Пол, происхождение: **русская**

7. Основан профессия (занятие): **педагог - учительница**

8. Соц. положение: **науч. работн.** 9. Партийность: **Беспарт.**

10. Дата приема в члены ВКП(б)

11. Партия: _____ № партбилета _____ или № к/карт. _____

12. Состояла ли в других партиях (назв., где с какой)

13. Состояла ли ранее в ВКП(б) _____ с какого и по какому да, нет

14. Состояла ли ранее в ВКП(б) _____ с какого и по какому да, нет

и причины исключения или выбытия _____

15. Участвовала ли в проведении линии партии и участвовала ли в оппозициях (назв., когда)

16. Профсоюз состоит и с какого года: **Союз раб. писат. Москвы с 1917 г.**

17. Высшее образование: **высшее**

(высшее, незаконченное высшее, среднее, незаконченное среднее, начальное)

Учебное заведение (техникум, комвуз, школа) и местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (по-рус.)		Дата окончания	Среднее образование	Другие сведения (участие в революционной работе и в революционной борьбе)
		начало	оконч.			
Сп. техн. Эксперт. Инст. г. Москва						
Учрежд. (оринтологич.)	Шко.-фрива	1893	1901	оконч.		Личностная

Листок по учету кадров.

ных дворянина, 20 из которых были еще и почетными гражданами Москвы.

Весёлкину как социально чуждый элемент (других грехов за ней не было найдено) выслали из столицы. Она должна была ехать в Сибирь. По пути ей стало плохо. Ее высадили на станции Екатеринбург и поместили в тюремную больницу. При выписке присвоили статус «административно-ссыльная» и предложили искать работу в Екатеринбурге. Она устроилась няней к одному из служащих Уралсовета. Когда ребенок через несколько месяцев заговорил по-французски, родители поняли, что няня – личность незаурядная, и помогли ей устроиться на более квалифицирован-

ную работу. Несколько лет она возглавляла библиотеку музучилища.

В 1929 году она – уже главный библиотекарь фундаментальной библиотеки Уральского промышленного института. Библиотека была действительно фундаментальной. В 1920 году туда доставили 14000 томов из Царскосельской библиотеки – редкие книги на иностранных языках, начиная с XVI века. В городе не было специалистов, способных каталогизировать эти сокровища. Занялась этим Ольга Михайловна.

Весёлкина создала и возглавила областные курсы иностранных языков по подготовке технических переводчиков. В этом была острая необходимость, так как в городе

Ольга Весёлкина в УПИ.

было много привлеченных зарубежных специалистов.

В 1930 году она руководит кафедрой иностранных языков индустриального института.

По окончании административной ссылки Ольга Михайловна не пожелала вернуться в Москву. В летние отпуска она навещала потомков Ф.И.Тютчева в Мураново. Как могла помогала материально, передавала редкие книги, которых в то время, после вынужденного бегства за границу просвещенного дворянства и интеллигенции, было с избытком, ими разве что не топили печи. Также помогла правнукам поэта получить образование.

До самой своей смерти в 1949 году Ольга Михайловна преподавала, председательствовала в Свердловском областном объединении преподавателей иностранных языков. Она составила несколько учебников и методи-

ческих пособий по техническому переводу. Имела государственные награды: орден Трудового Красного Знамени и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Весь остаток жизни Ольга Весёлкина провела в Свердловске, до последних дней работая в институте. Похоронили Ольгу Весёлкину на Михайловском кладбище, прощанием с ней занималась кафедра, никого из родных у нее здесь не было. Конечно, то, что ее не репрессировали, и то, что она пережила войну, умерла своей смертью, это удивительный факт.

Скончалась Ольга Михайловна скоропостижно, «от сердца», как тогда говорили. Ее могила находится недалеко от бани, если идти по дорожке от Первомайской, недалеко от стены храма. Первое время за ней ухаживали, но со

временем имя стало забываться, и могилка пришла в запустение.

И наверняка, со временем всё было бы гораздо хуже. И памятник, по причине ошибки монтажа стал наклоняться. По инициативе благотворительного фонда Мемориал Романовых и при поддержке Российского Красного Креста, кафедры иностранных языков УПИ и других меценатов на Михайловском кладбище г. Екатеринбурга осенью 2023 года был установлен новый, достойный памятник выдающейся жительнице Екатеринбурга – Ольге Весёлкиной.

9 августа 2023 года исполняется 150 лет со дня ее рождения.

В

Первый памятник на могиле Ольги Весёлкиной.

Новый памятник Ольге Михайловне Весёлкиной.

«ПРИВЕТСТВУЕТ МОЙ СТИХ МЛАДЫХ ЦАРЕВЕН...»

Алексей КАЗАКОВ

**Журналист, литературовед,
издатель,
член экспертного совета
благотворительного фонда
«Мемориал Романовых».
Город Челябинск.**

Когда в 1916 году 20-летнего Есенина призвали на военную службу, то он, конечно, не думал, что ему придется служить в Царском Селе, напрямую общаться с лицами царской семьи, воочию видеть последнего русского Императора Николая II

...Работая в свое время в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, я обратил внимание на раннее есенинское стихотворение 1916 года «В багровом зареве закат шипуч и пенен...», которое не являлось автографом, оно было написано чужой рукой, а точнее, литературоведом Л.Р.Коганом (1885–1959). Список стихотворения был сопровожден следующей припиской: «Подлинник находился в архиве Екатерининского дворца в Детском Селе (г. Пушкин). Он представляет собой лист ватманской бумаги in octavo. Текст написан акварелью, славянской вязью. С правой стороны, сверху вниз, орнамент. Список сделан мною в 1930 году. В настоящее время оригинал, по-видимому, утрачен. Стихотворение это написано по случаю посещения дочерьми Николая II лазарета при строительстве Федоровского собора в Царском Селе, где Есенин, призванный на военную службу, состоял писарем. Есть основание полагать, что оно было написано, по требованию полковника Ломана, начальника Есенина...»

Известно, что благодаря покровительству Петроградских друзей, прежде всего поэтов С.Городецкого и Н.Клюева, Сергей Есенин был определен санитаром (а не писарем) в полевой Царско-сельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Импера-

трицы Александры Федоровны, в дальнейшем служил в лазарете № 17 для раненых воинов там же, в Царском Селе. Сохранились почтовые карточки кратких писем Есенина родным, на обороте которых напечатано: «Лазарет Их Императорских Высочеств Великих Княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны при Федоровском Государевом соборе для раненых. Царское Село».

Непосредственным начальником Есенина был полковник Дмитрий Николаевич Ломан (1868–1918), штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте (в 1918 году расстрелян большевиками в числе других придворных царской семьи). Его сын Юрий Дмитриевич (1906–1980) был крестником императрицы Александры Федоровны, а в советское время работал в дирекции ленинградского завода «Красный химик», к тому же боевой офицер, участник обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Он оставил автобиографические записки «Воспоминания крестника императрицы» (рукопись), где часто вспоминает молодого рязанского «поэта-самородка» Сергея Есенина. Именно в то время за Есениным прочно закрепилось прозвище «сказитель», так его воспринимали поначалу в художественных кругах северной столицы. В крестьянской поддевке и подстриженный в скобку, юноша олицетворял собой народного выходца полевой и лесной Руси-России. Мыкаясь по редакциям и светским салонам, он знал про себя много больше, нежели окружавшие его литераторы. Лишь немногим друзьям-приятелям открывался, говоря: «Пишу стихи о России... Будут Есенина печатать!»

Слово даю! Я теперь, как скворец,
с утра на ветке горло деру...»

«Когда Есенин читал, глядя на него, мне всегда казалось почти невероятным, что где-то глубоко-глубоко внутри этого щуплого с виду паренька с лукаво бегающими глазками и типичной повадкой деревенского жителя струится неиссякаемый родник кристально чистой поэзии. В самом характере есенинского чтения была особая, свойственная ему певучесть. И конец каждого произнесенного им слова, прежде чем замереть, вздрагивал, как звук туго натянутой струны.

Разбуди меня завтра рано,
О, моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Есенин читал, как пел. Легко и свободно, чуть оттеняя иногда отдельные слова. Так, слово «мать» он произнес иначе, чем остальные... Но что больше всего покоряло в Есенинском чтении, так это слитность музыки стиха с живой образностью», – вспоминал художник Михаил Бабенчиков, близко знавший Есенина в пору его Петроградской жизни в 1915–1916 годы.

На военную службу Есенин был призван весной 1916 года, вскоре после выхода в свет его первого поэтического сборника «Радуница». Подписывая первые экземпляры «Радуницы» знакомым литераторам, поэт именовал себя «баяшником», осозная в душе историческое преемство древнерусских боянов-летописцев, что баяли в песнословах своих быть-легенду о временах минувших и настоящих. Каждый автограф-надпись Есенина на книжках «Радуницы» звучал маленьким сказом былинного свойства. Вслушаемся в их содержание: «От поемов Улыбыша перегудной мещеры поэту ипостольной чаши скорбной тропы Ю.Балтрушайтису на добрую память от баяшника соломенных суемов. Сергей Есенин. 1916. 9 февраля. Пт.»;

«Максиму Горькому, писателю земли и человека от баяшника соломенных суемов Сергея Есенина

на добрую память. 1916 г. 10 февр. Пт.».

Услыхав однажды совместное выступление-чтение Клюева и Есенина, «великий старец» Григорий Распутин написал записку полковнику Д.Н.Ломану: «Милой, дорогой, присылаю к тебе двух парешков. Будь отцом родным, обогрей. Робяты славные, особливо этот белобрысый. Ей Богу, он далеко пойдет». Подлинник этой записки хранился в архиве Екатерининского дворца в Царском Селе (г. Пушкин), но пропал во время войны; по некоторым данным, был вывезен вместе с другими материалами в Германию, где и хранится в одном из частых собраний, равно как и есенинские рукописи 1916 года...

«Радуница» Есенина порадовала не только столичных литераторов, эта маленькая книжка согревала сердца русских солдат, в основном бывших крестьян, в промозглых окопах на полях Первой мировой войны. «Про нас написано, берет за сердце...» – говорили солдаты, послушав стихи незнакомому им Есенина о живой красоте рязанской природы, где «только лес, да посолонка, да заречная коса».

Таким пришел Сергей Есенин на военную службу в Царское Село, представ перед сиятельными особами с целым коробом стихов-сказов.

Судьба подарила Есенину редкую возможность оказаться в самом центре художественной жизни России первых десятилетий нового XX века. Федоровский городок в Царском Селе, строившийся к 300-летию династии Романовых, представлял собой архитектурный ансамбль, обнесенный кремлевской стеной со сторожевыми башнями, бойницами, каменными, с богатой резьбой воротами (почти все это сохранилось и сейчас восстанавливается). Строился городок на частные средства при участии художников и архитекторов братьев В.М. и А.М.Васнецовых, М.В.Нестерова, Н.К.Рериха, И.Я.Билибина, А.В.Щусева, А.Н.Померанцева, С.С.Кричинского, В.А.Покровского. К 1916 году Городок стал местом

деятельности «Общества возрождения художественной Руси». В солдатском лазарете Городка молодой санитар Есенин читал свои первые стихи, в частности, поэму «Русь». А в день именин Великой княжны Марии Николаевны 22 июля 1916 года поэт прочел на концерте в офицерском лазарете стихотворение «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» На концерте были императрица и все четверо ее дочери, о будущей трагической судьбе которых провидчески скорбел Есенин:

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих младых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.
Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.
На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.
Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

По окончании концерта Д.Н.Ломан представил императрице и Великим княжнам Есенина, писателя Сладкопевцева, артиста Артамонова и режиссера Арбатова. «Во время беседы императрицы с ними ей были преподнесены сборник стихов Есенина «Радуница» и сборник рассказов Сладкопевцева», – вспоминал сын Д.Н.Ломана Юрий, присутствовавший на том концерте. В свою очередь, за участие в концерте Есенин был пожалован золотыми часами с гербом и цепочкой, Арбатов – золотой брошью, а Сладкопевцев – золотым кулоном. Дарственная надпись на «Радунице» гласила: «Ея Императорскому Величеству Богохранимой царице-матушке Александре Феодоровне от баяшника соломенных суемов словомолитвенного раба Рязанца Сергея Есенина».

По некоторым сведениям, эта книга находилась в коллекции московского библиофила И.А.Полонского, местонахождение ее в настоящее время неизвестно...

Есенин и Романовы.

После этого концерта на молодого санитара обратили внимание. Его приглашали на все последующие мероприятия Федоровского городка. Во время одного из артистических ужинов по просьбе Д.Н.Ломана поэт выступил со стихотворением «Вещий сон». «Сереза, – сказал Дмитрий Николаевич, – прочтите «Вещий сон», а вы, господа, внимательно послушайте. Может, и вы скоро станете санитарями». Улыбаясь, поэт стал читать о том, как ему приснился Пушкин, который пришел в Городок:

Он спросил меня через дворовый гомон:
А где живет полковник Ломан?

Есенин проводил Пушкина и услышал, как полковник, обращаясь к Александру Сергеевичу, сказал:

Чем сидеть на памятнике даром,
Я предложил бы вам поехать санитаром,
А чем писать ваши шутки-прибаутки,
Вы носили бы урыльники и «утки».

«Стихотворение было довольно длинное...» – вспоминал Юрий Ломан.

К сожалению, текст «Вещего сна» не сохранился.

Так же как не сохранился и автограф стихотворения «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» – лист со стихотворением, видимо,

был либо уничтожен, либо вывезен в период временной оккупации немецкими войсками Пушкина (Царского Села), когда Екатерининский дворец подвергся разграблению (вспомним историю с Янтарной комнатой). Но сохранилось описание того листа. В Москве, в Российском государственном архиве литературы и искусства выявлено письмо ленинградского искусствоведа А.И.Иконникова к писателю Н.Н.Никитину (другу Есенина) от 19 мая 1962 года. В нем он сообщал, что в 30-е годы ему довелось разбирать материалы так называемой «детской половины» Александровского дворца в бывшем Царском Селе. «И там среди книг, журналов, бесчисленных фотографий, – продолжал Иконников, – я обнаружил роскошную в пол-листа папку, обложенную великолепной золотой парчой, сделанной в стиле конца XVII века. В папке лежал большой лист плотной бумаги, на котором среди очень неплохих сделанных орнаментов в том же стиле конца XVII века было написано чуть ли не золотом стихотворение «Царевнам», подписанное Есениным...»

Добавлю к этому документу другой факт: в том же 1916 году Есенин замыслил выпустить в свет сборник стихов «Голубень» с общим посвящением «младым царевнам», однако Февральская

революция 1917 года и отречение императора Николая II от власти в марте того же года помешали осуществить этот творческий замысел поэта. В двух письмах конца 1916 года Есенин упоминает «Голубень»: «Сейчас готовлю книгу вечерами для печатания, но прежде хотелось бы провести ее по журналам» (И.И.Ясинскому, 20 ноября 1916); «Впредь буду обязан вам «Голубенью», о достоинстве коей можете справиться у Разумника Иванова и Клюева» (М.В.Аверьянову, 28 декабря 1916).

Позднее «Голубень» вышла двумя изданиями (1918, 1920), но это была уже другая книга и другая песня поэта...

Но не ушли безвозвратно отзвуки той былой поэтической песни: в 1923 году он рассказывал своей гражданской жене Надежде Вольпин о днях, проведенных в Царском Селе. «Слушаю рассказ Сергея о том, как он, молодой поэт, сидит на задворках дворца, на «черной лестнице» с Настенькой Романовой, царевной! Читает ей стихи. Целуются... Потом паренек признается, что отчаянно проголодался. И царевна «сбегала на кухню», раздобыла горшочек сметаны («а вторую-то ложку попросить побоялась»), и вот они едят эту сметану одной ложкой поочередно! Выдумка? Если и выдумка, в сознании поэта она давно обратилась в действительность.

В правду мечты. И мечте не помешало, что в те годы Анастасии Романовой могло быть от силы пятнадцать лет. И не замутила идиллию памятью о дальнейшей судьбе всего дома Романовых. Я слушаю и верю. Еще не умею просто сказать: «А не привираешь ли, мальчик?» Напротив, я тут же примериваюсь: не царевна ли та твоя давняя подлинная любовь? Но уж тогда свершившееся в Екатеринбурге (Свердловске) не могло бы не перекрыть кровавой тенью твой горшочек сметаны!»

Эту историю Надежда Давыдовна Вольпин поведала мне в 1984 году, прожив почти век на этом свете...

Наставник царских детей Пьер Жильяр вспоминал: «Трудно было найти четырех сестер, столь раз-

личных по характерам и в то же время столь тесно сплоченных дружбой. Из начальных букв своих имен они составили общее имя: «ОТМА». Ольга Николаевна обладала очень живым умом. У нее было очень много рассудительности и непосредственности. Она была очень самостоятельного характера. Татьяна Николаевна от природы скорее сдержанная, обладала волей, но была менее откровенна и непосредственна, чем старшая сестра. <...> Она была очень красива, хотя не имела прелести Ольги Николаевны. Любимицей императрицы была Татьяна Николаевна. Своей красотой и природным умением держаться она в обществе затемняла сестру, которая меньше занималась своей особой... Сестры нежно любили друг друга... Их звали «большие», а Марию Николаевну и Анастасию Николаевну звали «маленькие». Мария Николаевна была красавицей... Она блистала яркими красками и здоровьем; у нее были большие чудные серые глаза. Вкусы ее были очень скромны; она была воплощенной сердечностью и добротой... Анастасия Николаевна была, наоборот, большая шалунья и не без лукавства. Она во всем быстро схватывала смешные стороны... Она была баловница... В общем, трудно определяемая прелесть этих четырех сестер состояла в их большой простоте, естественности, свежести и врожденной доброте. Их отношения с Государем были прелестны. Он был для них одновременно царем, отцом и товарищем».

Известно, что Есенину нравились больше Мария, они познакомились, когда ей было 17 лет, а ему 21 год. С Анастасией он мог позволить себе поболтать, той было 15, а Марии Николаевны поэт стеснялся... Так что «мальчик не привирал», рассказывая о встречах с царевнами.

Начинал 1916 год Есенин чтением стихов в Москве, куда приехал с Н.А.Клюевым (при материальной поддержке Д.Н.Ломана) для выступлений в качестве «сказителей», в том числе и в придворных кругах. Поэты читали свои произведения в лазарете для раненых

при Марфо-Мариинской обители (Большая Ордынка, 34), патронированном Великой княгиней Елизаветой Федоровной, родной сестрой императрицы (в 1918 году она разделила горькую участь царской семьи, погибнув в шахте под Алапаевском). Выступали Клюев и Есенин также в доме Елизаветы Федоровны перед хозяйкой и приглашенными гостями, в их числе были художники М.Нестеров и В.Васнецов.

А завершал 1916 год Сергей Есенин в Царском Селе – в октябре он присутствовал на богослужениях в Федоровском Государевом соборе, что не помешало ему отказаться (сказалось влияние Клюева) от предложения Д.Н.Ломана написать совместно с Клюевым о соборе книгу стихов. Но он еще продолжал читать стихи раненым в лазарете № 17. Последний раз Есенин читал стихи в Трапезной палате Федоровского городка в честь членов «Общества возрождения художественной Руси». Было это 19 февраля 1917 года. Трапезную Федоровского городка поэт всегда помнил – это был двухэтажный дом из белого камня, отделанный узорами и напоминавший Грановитую палату Московского Кремля. В нем было много сводчатых палат, расписанных старинным русским орнаментом, узорчатых лестниц и переходов. Дом был обставлен специально сделанной мебелью в русском старинном стиле. Сама палата была расписана древними русскими гербами. Есенина особенно привлекало деревянное блюдо, на котором был изображен витязь, принимающий у бояр хлеб-соль. Оно было покрыто красивым орнаментом с вделанными в него уральскими самоцветами. А своды соседней столовой были расписаны текстами из русских пословиц: «Добрая весть – коли говорят, пора есть», «Русский аппетит ничему не вредит», «Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова», «Что там ни говори, а на русской черной каше выросли богатыри». В Столбовой палате находился музей уникальных вещей древнего русского обихода и икон. В дни оккупации немцами Царско-

го Села вся эта красота погибла...

Как-то в столовой под гармонь пели песни. Когда затянули «Бродягу», на словах «Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша...» полковник Ломан прервал пение и заметил, что «мамаша» совершенно не подходит к русскому народному языку, на что Есенин возразил, сказав, что сейчас в деревне всю поют частушки, язык которых становится все более и более похожим на городской.

В марте 1917 года Сергея Есенина откомандировали из санитарного поезда № 143 в распоряжение Воинской комиссии при Государственной думе с получением аттестата о том, что препятствий к «поступлению в школу прапорщиков не встречается». Начавшаяся революционная смута окончательно устранила все препятствия, о чем спустя годы Есенин написал в поэме «Анна Снегина»:

И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу», и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.
Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смадном огне
Тогда над страной калيفствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу –
Был первый в стране дезертир.

Так завершился «царский» период биографии Есенина. В последние годы жизни он иногда по-таенно вспоминал о том времени, о людях, которые его окружали: о полковнике Ломане, Клюеве, Распутине, о Великой княгине Елизавете Федоровне, о брате императора – Михаиле Романове и, конечно, о всей царской семье, душой которой были «младые царевны», сверстницы поэта, которых он воспел и обессмертил...

Владимир ПОЛИЩУК

Член Союза журналистов России; автор-составитель «Книги рекордов Тюменской области сегодня», публикаций о Романовых и гид по данной тематике в Тюмени, ученый секретарь конференции с международным участием ТюмГУ «Стеллеровские чтения», член совета краеведческого клуба «Тюменская старина».
Город Тюмень.

Ольга ПУШКАРЕВИЧ

Филолог, психолог, краевед, участник XIV, XV, XVI «Романовских чтений».
Город Тюмень.

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИМПЕРАТОРСКОГО МАРШРУТА

Действующий федеральный тур «Императорский маршрут» включает свыше двадцати субъектов России, и финальная часть его – Тобольск-Тюмень-Екатеринбург. В Тюмени-Тобольске туристы знакомят с определенными зданиями и музеями, освещающими пребывание в Сибири XIX–XX веков представителей Дома Романовых с упором на ссылку семьи последней императорской четы. При следовании из Тюмени в Тобольск автотранспортом экскурсантов обычно завозят только в частный музей «крестьянина Тюменского уезда Тобольской губернии» Григория Ефимовича Распутина на его «малой родине» – селе Покровском. Вместе с тем подлинный путь последних Романовых на российском престоле отличается, и названия поселений, где проходили остановки, зафиксированы в их дневниках.

Мы, давно занимаясь темой Романовых, обратили внимание на некую несуразность дневниковой записи Александры Федоровны относительно завершающего (после с. Иевлево) отрезка пути до Тюмени. Впервые этой теме мы коснулись в апреле 2018 года, проводя круглый стол, приуроченный к вековому юбилею проследования конвоируемых членов семьи через село Борки Тюменского района.

В прошлом году (150-летия со дня рождения Александры Федоровны) мы подготовили и неоднократно провели однодневную автобусную экскурсию «Тайны Тюменского уезда Романовых», обыграв в названии значения слова «уезд»: 1) до- и недолгое время послереволюционный термин, означающий административно-территориальную

единицу; 2) выбытие, проследование, транзит. Суть настоящего маршрута – в актуализации для экскурсантов реальных населенных пунктов, их достопримечательностей, связанных с историческими местами пребывания подконвойных членов семьи на вторые сутки пути от Тобольска (после ночевки в с. Иевлево). В наших путешествиях стали востребованы и прежние наработки, включая упомянутую.

Не вдаваясь в прочие подробности, хотим конкретизировать названную краеведческую находку. Интересующие нас события Николаем Александровичем отражены следующим образом:

«14 (27. – Авт.) апреля. Суббота.

... Последняя перепряжка была в с. Борки. Тут у Е.С.Ботк<ина> сделались сильные почечные боли, его уложили в доме на полтора часа... Мы пили чай и закусывали с нашими людьми и стрелками в здании сельского училища (здесь и далее: курсив, выделение слов, подчеркивание – Авт.). Последний перегон сделали медленно и со всякими мерами военных предосторожностей. Прибыли в Тюмень...» [1].

Александрой Федоровной же впечатления описаны так:

«Путешествие в экипаже
14 (27) Апрель. Суббота
Лазарево Воскресенье

Встали в 4 [часа], пили чай, упаковывались, пересекли реку в 5 [часов] пешком по дощатому настилу, а затем – на пароме...

В селе Борки пили чай и питались своими продуктами в хорошеньком крестьянском доме. Покидая деревню, вдруг увидели на улице Седова! Снова поменяли коляску. Снова всякого рода

происшествия, но меньше, чем вчера. Остановились в деревенской школе, пили чай с нашими солдатами. Е.С.Боткин слег из-за ужасных колик в почках. Когда наступила темнота, колокольчики наших троек связали... мчались с бешеной скоростью. При подходе к Тюмени эскадрон кавалеристов образовал вокруг нас цепь...» [2].

В описании Александры Федоровны обращает на себя внимание нелогичность событий с «привязкой» к с. Борки – завершающему череду транзитных поселений этого дня перед «последним перегонном». Данное село не настолько велико, чтобы по нему перемещаться в экипажах чуть ли не целый день с перепряжками, да еще при этом питаться дважды.

Приходит осознание того, что поднятая «ни свет, ни заря», недомогающая, вымотанная тряской по дороге ужасного состояния, не знакомая с местностью женщина могла ошибиться в конкретизации событий. Подтверждение чему находим в комментарии В.М.Хрусталёва – ответственного редактора и составителя «Дневников Николая II и императрицы Александры Федоровны»: «Н.Я.Седов в свидетельских показаниях сообщил: «В апреле сего года, на шестой неделе Великого поста, я отправился в Тобольск. На пути в дер. Дубровно (верстах в 50–60 от Тобольска), я встретил «поезд» с Государем, Государыней и в.к. Марией Николаевной. Поезд состоял из трех троек с пулеметами и пулеметчиками, на следующей тройке ехал Государь с комиссаром Яковлевым, за ними следовала тройка с Государыней и в.к. Марией Николаевной, далее – тройка с Боткиным и князем Долгоруковым. В конце поезда были тройки со служителями и затем – с красноармейцами. Поезд я видел в самой деревне и имел возможность близко увидеть Государыню и Государя. Государыня узнала меня и осенила меня крестом» [3]. Это удостоверено и в воспоминаниях С.В.Маркова: «Седов, узнав о приезде нового отряда в Тобольск, решил поехать туда,

Село Покровское.

Здание бывшего сельского училища в с. Борки Тюменской области, в котором останавливалась царская семья.

Бывший дом Е.Е.Беляева в с. Дубровное, в котором останавливалась семья Романовых.

Мемориальная доска на здании бывшего сельского училища в с. Борки.

Карта Покровской волости Тюменского уезда.

что и исполнил, выехав из Тюмени 26 числа. По дороге в одной деревне, примерно посередине пути, он к ужасу своему столкнулся с Их Величествами, перевозимыми в Тюмень. Он присутствовал при перекладке лошадей Их Величеств и находился недалеко от них, так что Государыня узнала его» [4].

«Седов Николай Яковлевич (1896–?) – штабс-ротмистр Крымского конного Е.И.В. Государыни императрицы Александры Федоровны полка был знаком с А.А.Вырубовой и Ю.А.Ден. Принимал участие в установлении нелегальной связи между Петроградом и губернаторским домом в Тобольске, где находилась в ссылке царская семья. Ездил в Тобольск и участвовал в неудачной попытке освобождения Романовых, предпринятой одной из монархических организаций. Общался в Тобольске с подпоручиком К.С.Мельником (Будущим зятем Е.С.Боткина. – Авт.). Некоторое время вместе с Сергеем Владимировичем Марковым на нелегальном положении находился в Тюмени, пытаясь кон-

тролировать ситуацию. На пути между Тюменью и Тобольском встретил царскую семью, конвоируемую отрядом чрезвычайного комиссара В.В.Яковлева. В июне 1918 года предпринял неудачную попытку спасти царскую семью. Позже пытался работать со следователем И.А.Сергеевым в Екатеринбурге по делу убийства Романовых. Показания давал генералу Дитерихсу. Позднее в эмиграции. Принял монашеский постриг под именем Серафима, достиг сана архимандрита, проживал в Святой Земле» [3].

Таким образом, прояснение неточности дневниковой записи Александры Федоровны дало возможность выявить на Тобольском тракте как оставшийся «за скобками» дополнительный населенный пункт перепряжки «поезда»-конвоя – с. Дубровное, так и конкретную усадьбу, на базе которой она происходила. Здесь – и сохранившийся «хорошенький крестьянский дом», где утром 27 апреля 1918 года завтракали путешественники поневоле. Ранее

здание принадлежало зажиточному крестьянину Егору Беляеву [5] – владельцу значительного табуна лошадей...

Библиографический список:

1. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 т./ отв. ред., сост. В.М.Хрусталёв. – М.: Вагриус, 2008. Т. 2: 1 августа 1017 – 16 июля 1918. – 624 с.; ил. С. 383.
2. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 т./ отв. ред., сост. В.М.Хрусталёв. – М.: Вагриус, 2008. Т. 2: 1 августа 1017 – 16 июля 1918. – 624 с.; ил. С. 382.
3. Хрусталёв В.М. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 т./ отв. ред., сост. В.М.Хрусталёв. – М.: Вагриус, 2008. Т. 2: 1 августа 1017 – 16 июля 1918. – 624 с.; ил. С.с. 384, 600.
4. Марков С.В. Покинутая царская семья (Царское Село-Тобольск-Екатеринбург). Вена, 1928. М., 2002. С. 298.
5. Залесова Р.П. Страницы истории Ярковского района. / отв. редактор Р.П.Залесова. – Тюмень: ИПП «Тюмень», 1995. С. 30.

В

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ — ПЕРВЫЙ КОНСПИРОЛОГ В ЦАРСКОМ ДЕЛЕ

«Правда твоя, правда во веки?!»

Виталий ШИТОВ

Историк-исследователь,
краевед, фотожурналист.
Член экспертного совета
Благотворительного Фонда
«Мемориал Романовых».

Николай Алексеевич Соколов-следователь по особо важным делам, человек, который пытался раскрыть тайну века, а именно убийство царской семьи. Многие историки и писатели, связанные с темой преступления XX века, называли его высоким профессионалом, выдающимся следователем, который в течение почти 6-ти лет тщательно и скрупулезно исследовал причины гибели, само убийство и место сокрытия тел членов семьи Николая II и их приближенных.

Версия следователя Соколова об уничтожении всех тел убиенных членов царской семьи и их слуг в районе шахты № 7 методом расчленения и сожжения на костре с применением керосина и серной кислоты была впервые заявлена в отчете представленного Соколовым в 1920 году вдовствующей императрице Марии Федоровне. И повторена в двух его книгах, изданных во Франции и в Берлине.

Бездоказательный вывод получил широкое распространение среди эмигрантских кругов и в России. Однако на волне повы-

шенного интереса к судьбе Романовых и открытия архивов стало возможным не только усомниться в правильности выводов Соколова, но и убедительно доказать их несостоятельность. Что мы и попытаемся сделать.

Николай Алексеевич Соколов родился в 1882 году в г. Мокшанске Пензенской губернии в купеческой семье. В 1904 году окончил юридический факультет Харьковского университета, работал в Тифлисе. Прошел все служебные инстанции – от помощника следователя до следователя по особо важным делам Пензенского Окружного суда. За свою деятельность Соколов награжден орденом Станислава II степени, в 1914 г. был возведен в ранг надворного советника. Как ярый монархист Николай Соколов категорически не принял Февральскую буржуазную революцию, Временное правительство и большевистский Октябрьский переворот.

В 1918 году следователь вступил в антибольшевистскую монархическую организацию, возглавляемую генералом С.Н.Розановым.

Осенью 1918 года следователь Соколов, переодевшись крестьянином, перешел линию фронта на сторону Белой армии и переехал в город Иркутск, где был назначен 19 октября 1918 года товарищем прокурора Иркутского Окружного суда.

По ходатайству С.Н.Розанова, командующий западным фронтом армии Верховного Правителя Адмирала Колчака А.В. Генерал-лейтенант М.Дитерихс назначил Николая Соколова на должность следователя по особо важным делам Омского окружного суда в феврале 1919 года.

Следователь Николай Алексеевич Соколов.

Обследовав золу, пепел и сами колодцы, следователь Соколов еще раз убедился в том, что он на верном пути, что именно здесь было совершено жестокое преступление. Однако никаких тел убитых и даже их фрагментов ему обнаружить не удалось.

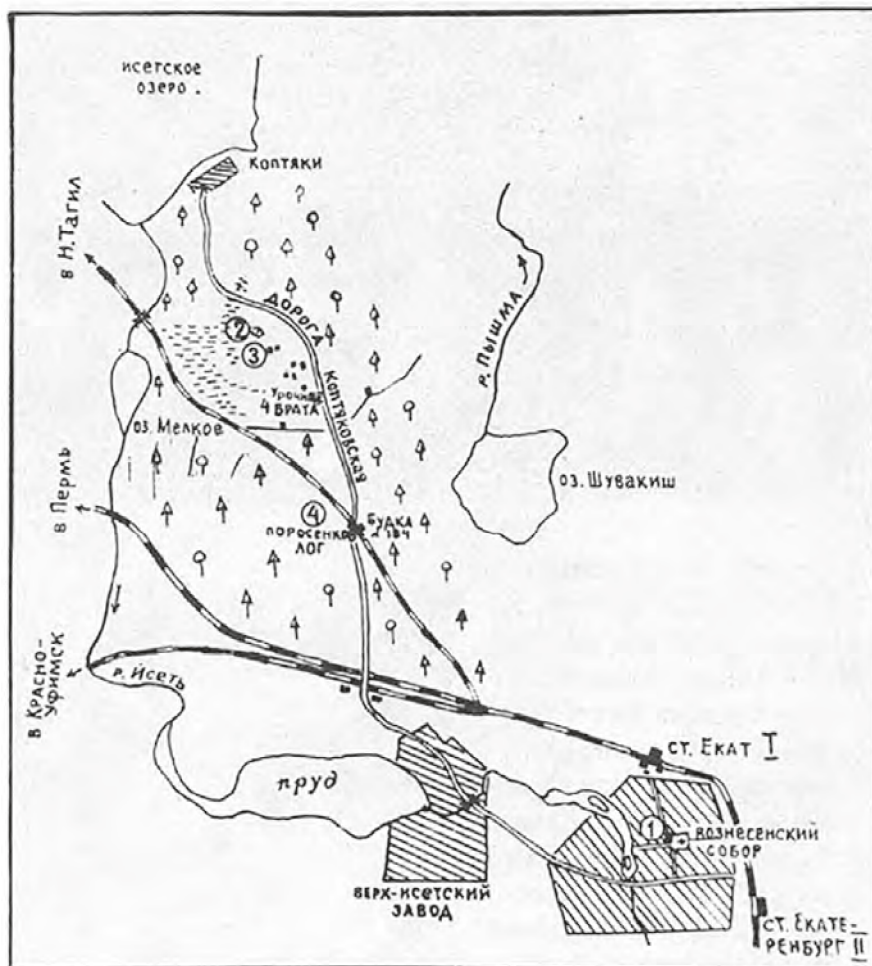
Нужно отметить, что первоначально следствием по убийству Николая II и его семьи занимались другие следователи, а именно: Намёткин, Сергеев, Кирста, прокурор Кутузов и помощник прокурора Магницкий. Именно Магницкий руководил поисковыми работами и обследовал около 60-ти шахт и всю территорию в урочище «Четыре Брата».

В представлении Господину прокурору Екатеринбургского окружного суда от 30 декабря 1918 года Н.Н.Магницкий пишет: «Часто получались сведения, что там-то и там-то должны находиться трупы царя и его семьи. Все эти сведения проверялись опять-таки по мере сил и средств. Так проверены были: «Мокрый лог», «Березовая избушка», «Старые шахты» и т.д. И ничего найдено не было. Правда, в «Старых Шахтах» нашли пять трупов, но все они принадлежали австрийцам. Чистосердечно скажу, что обследованная нами местность – не обследована, ибо, если мне зададут вопрос: «Где царские трупы?», я прямо скажу: «Я их не нашел, но они в урочище «Четыре Брата». Что могли сделать – сделали».

Нужно сказать, что следователь Соколов сразу же после прибытия в Екатеринбург, как только сошел снег, 23 мая – 17 июня 1919 года совместно с генерал-лейтенантом М.К.Дитерихсом, прокурором Екатеринбургского окружного суда В.Иорданским, фотографом Робертом Вильтоном и другими сопровождающими лицами прошел пешим ходом весь путь от Ипатьевского особняка до Четырехбратского рудника, тщательно обследовал, описывал и фотографировал важные объекты, в том числе: 4 железнодорожных переезда, всю Коптяковскую дорогу, временку. В частности, на Коптяковской дороге, не доходя до железнодорожного переезда № 184,

Сальные массы.

Домик Лабухиных.

**Андрей Андреевич
Шереметьевский.**

ими был осмотрен так называемый «Поросенков лог»: «Большой лог начинается от переезда в расстоянии 864 шагов (от 184 переезда – Авт). При выходе к нему уровень дороги сильно понижается. Самый лог представляет собой сенокосное болото, покрытое местами небольшими кочками с водой. Дойдя до этого лога, дорога сворачивает в сторону и, обходя болото, идет опушкой леса, окаймляющего лог в северо-восточном направлении. В расстоянии 414 шагов от переезда на полотне дороги в наиболее низком месте набросан мостик. Он состоит из нескольких сосновых бревешек, толщиной вершка в 3–4, и старых железнодорожных шпал. Шпалы и бревешки положены прямо на полотно дороги. У переезда № 184 в момент осмотра лежали остатки шпал, совершенно таких же, как и шпалы, из которых набросан этот мостик. Оба переезда № 184 и № 185 не охраняются и не имеют запоров на ограждениях через переезд. Но около них имеются будки, в которых живут сторожа. Около обоих переездов прибиты надписи одинакового содержания: «Берегись поезда. Переезд не охраняется». Самые же заграждения-шлагбаумы находятся у этих переездов в таком виде: у переезда № 184 шлагбаумы имеются (их два), но не один из них не имеет цепей и вообще приспособлений для затора. У переезда № 185 имеется только один шлагбаум, но и тот поломан...»

На основании проведенных исследований Соколовым был составлен подробный схематический план местности.

Из важнейших свидетелей, допрошенных следователем Соколовым, особо следует отметить показания поручика А.А.Шереметьевского от 9 июня 1919 года: «После возвращения домой, мне, как офицеру, сразу же пришлось скрываться от большевиков. Когда я был в эти дни в Екатеринбурге (25–26 июля 1918 года), я слышал о расстреле государя. Когда я приехал в Коптяки со станции Исеть, мне кто-то сказал, что сейчас из Коптяков ушли на город красные. Я кинулся с казаками их догонять. Но эти сведения оказались ложными. Я вернулся в Коптяки. В это время ко мне подошел крестьянин Михаил Алферов и, показывая мне сверток с вещами, сказал: «А мы были на шахтах. Вот, посмотри-ка, что мы там нашли». Я как поглядел на эти вещи, так и ахнул. Я увидел среди этих вещей Кульмский обгорелый крест. Вид всех вещей, бывших у Алферова, ясно говорил о несчастье, постигшем августейшую семью. В вещах так же были: пуговицы, крючки, пряжки, топазовые бусы, планшеты и кости от корсетов, стекла от пенсне и медальонов. Схватил я эти вещи и поспешил в город и вручил их полковнику Шериховскому».

30 июля 1918 года группа офицеров Академии Генерального штаба с другими лицами отправилась на легковом автомобиле до станции Исеть. «В этот раз мы поехали уже через Поросенков лог. Я прекрасно помню, что в этом логу мы проезжали через мостик, набросанный из шпал. Этот мостик и соорудили «товарищи» как раз в то время, когда они и производили свои таинственные работы у рудника. Раньше этого мостика не было. Я хорошо знаю эти места и утверждаю, что именно в то время он и появился. Да и кто же мог бы взять с полотна шпалы и открыто, тут же в полуверсте от полотна, воспользоваться ими, кроме «товарищей»?»

Еще одним важным документом, пожалуй, ключевым, в рас-

крытии тайны места сокрытия тел убитых был протокол допроса линейного сторожа 184 переезда Горнозаводской железной дороги Якова Лобухина и его сына Василия, которые были допрошены следователем Соколовым 10 июля 1919 года в самый последний день перед эвакуацией белых частей из города Екатеринбургa.

«В последний самый день (перед снятием караула, в ночь с 18 на 19 июля – Авт.), уже вечером от Коптяков прошел грузовой автомобиль. Прошел он через переезд и пошел прямо через лог, а не времянкой, как шли все остальные. Были ли за ним коробки, я не заметил. Этот автомобиль в логу застрял и засел в топком месте. Должно быть, вода им для него понадобилась, потому что скоро к моему колодцу подъезжал коробок. В коробке, как я издали видел, была бочка, какая – деревянная или железная, не разглядел. Налили они в бочку воды и уехали к логу. Видал я, что двое приезжали за водой. Один из них в солдатской одежде (не помню, в какой именно), другой – в какой-то вольной. Тут мы все легли спать. Должно быть, автомобиль у них в логу застрял, потому что лошадь там, как слышать было, всю ночь ржала, а за ночь они там целый мостик выстроили из шпал и из тесу от моей городьбы. Это уж я потом тес взял назад и там одни шпалы оставил. Никого я из тех, кто чего не знаю. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Я неграмотный».

Рассказ Якова Лобухина следует дополнить весьма важными деталями, которые сообщил следователю Соколову Василий Лобухин, сын Якова. «Я на следующий день (18 июля 1918 г. – Авт.) утром, часов в 7 рел (автомобиль – Авт.), но в саженьях 150 от нашего переезда он остановился. Что именно на нем было, я хорошо не заметил. Показалось мне, что на нем были или бочки, или ящики (4 ящика с серной кислотой – Авт.). После обеда еще один грузовой автомобиль прошел и в том же месте остановился. Тут я хорошо заметил, что в этом автомобиле в железных бочках бензин везут (боч-

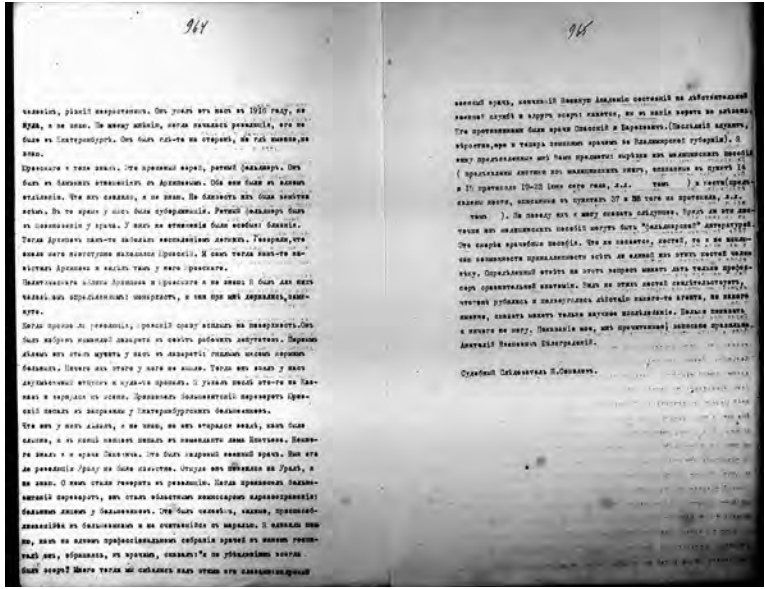
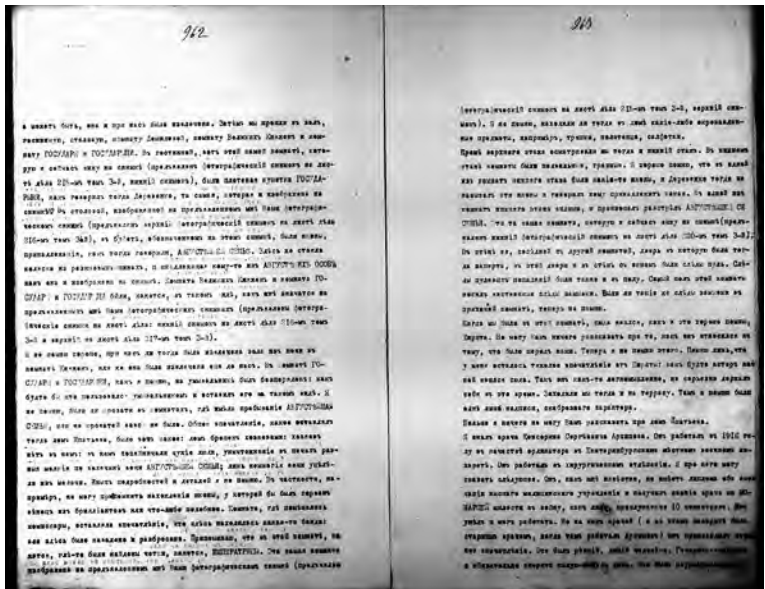
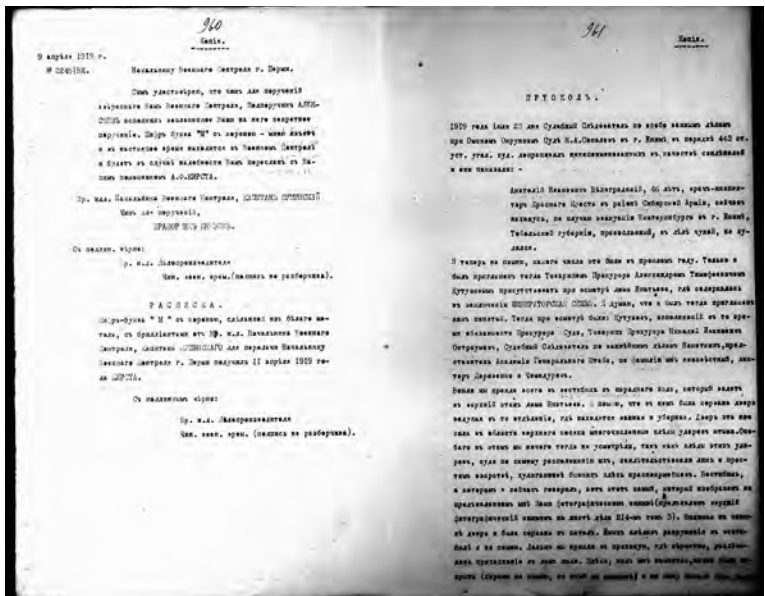
ки с керосином – Авт.). Я вздумал попросить бензину, взял бутылку и пошел туда, где на Коптяковской дороге стояли эти два грузовых автомобиля. Я и в этот раз хорошо не заметил. Что было на первом из автомобилей, который первым пришел. На втором были бочки три бензина или, может быть две. Бочки были железные. Около обоих автомобилей было человек 5 людей».

Далее из протокола допроса Василия следует, что эти 2 автомобиля, ушедшие в сторону Коптяков, до 5–6 часов вечера уехали обратно пустыми в сторону города по времянке.

11 июля 1919 года следователь Николай Соколов от Генерала Дитерихса получил предписание о немедленной эвакуации из г. Екатеринбурга на восток. Следователю был выделен специальный вагон и охрана. Все документы и вещественные доказательства в количестве около 1000 единиц, собранные в процессе следствия, были упакованы в 50 ящиков, которые должны были быть переправлены в Великобританию и переданы сестре Николая Александровича, Ксении Александровне. На долгом пути следования до г. Владивостока спецвагон Соколова вынужден был подолгу останавливаться на железнодорожных станциях.

22 июля 1919 года следователь Н.Соколов в городе Ишиме предпринял попытку идентификации найденных им у шахты № 7 обожженных костей, для чего в порядке 443 Ст. Уст. Суд., допросил врача Красного Креста (бывшего главного врача Екатеринбургского лазарета – Авт.) Анатолия Ивановича Белоградского, который показал: «Я вижу предъявленные мне вами предметы: вырезка из медицинских пособий (предъявлены листки из медицинских книг, описанные в пункте 14 и 15 протокола 19–22 июня сего года) и кости (предъявлены кости, описанные в пункте 14 и 15 протокола 37 и 38 того же протокола). По поводу их я могу сказать следующее. Вряд ли листочки из медицинских пособий могут быть «фельдшерской» литературой. Это скорее врачебные пособия. Что же касается костей, то я не исключаю возможности принадлежности всех до единой из этих костей человеку. Определенный ответ на этот вопрос может дать профессор сравнительной анатомии. Вид же этих костей свидетельствует, что они рубились и подвергались действию какого-то агента, но кого именно, сказать может только научное исследование. Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно».

Во время одной из длительных стоянок, в г. Чите, следователем Соколовым с целью сохранения было сделано копирование следственных материалов в количестве 3 экземпляров. Копии были переданы Миха-

Протокол допроса врача Красного Креста (бывшего главного врача Екатеринбургского лазарета) Анатолия Ивановича Белоградского.

илу Дитерихсу и Роберту Вильтону.

Отмечу, что не все вещественные доказательства на пути до Владивостока Соколову удалось сохранить. Половина из них была похищена.

Единственным особо охраняемым предметом был так называемый сафьяновый сундучок, в котором следователь Соколов вез самые важные, на его взгляд, артефакты. Такие как: 1) отрезанный палец императрицы; 2) вставная челюсть доктора Боткина и осколки стекла от его пенсне; 3) золотая серьга с камнем императрицы; 4) кусочки сальных масс из колодца и некоторые другие вещественные доказательства, найденные в районе шахты № 7.

По прибытии в Париж, Соколов продолжал следственное дело. В первую очередь допрашивая среди эмигрантов из России людей, приближенных к императорскому дому.

В полном тексте доклада судебного следователя Н.А.Соколова вдовствующей императрице Марии Федоровне, составленном в 1920 году, он делает следующий вывод относительно судьбы убитых членов царской семьи: «Принимая во внимание данные осмотра этой местности и совокупность обнаруженных здесь находений, следственная власть не питает никаких сомнений и совершенно убеждена в том, что трупы августейших особ и всех остальных, погибших вместе с ними, около одной из шахт сначала расчленили на части, а затем сжигали на кострах при помощи бензина. Трудно поддававшиеся действию огня разрушались при помощи серной кислоты».

Соколов дает список найденных в кострищах обгорелых деталей одежды, обуви, драгоценных предметов царской семьи, а также: «Перед самым оставлением города Екатеринбурга в сем году, прервавшем, к сожалению, дальнейшие розыски, найдено много рубленных и, возможно, пиленных костей, природу коих надлежит определить в ближайшем будущем в условиях существующей возможности. Все кости подвер-

глись разрушительному действию огня, но, возможно, и кислот».

В своей книге «Убийство царской семьи», изданной в 1925 году на русском языке в Берлине, по этому поводу он пишет следующее: «Они все сильно обожжены, разрезаны и разрублены. Крушение власти Адмирала не позволило мне произвести научное исследование этих костей, какое бы я желал. Однако врач Белогородский, которому они были предъявлены мною при допросе, показал: «Я не исключаю возможности принадлежности всех до единой из этих костей человеку. Вид этих костей свидетельствует, что они рубились и подвергались действию какого-то агента».

В то же время лесничий Редников показывает: «Я категорически удостоверяю, что тогда мы в костре у шахты нашли несколько осколков раздробленных и обгорелых костей. Это были осколки крупных костей крупного млекопитающего и, как мне тогда казалось, осколки трубчатых костей. Они были сильно обгорелые». Много и других ценных вещей нашел Редников.

Далее Соколов продолжает: «Части трупов сжигались в кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой. Оставшиеся в телах пули падали в костры; свинец вытапливался; растекался по земле и, охлаждаясь, затем принимал форму застывших капель, пустая оболочка пули оставалась. Сжигаемые на простой земле трупы выделяли сало. Стекая, оно просолило почву».

Исходя из вышеизложенных протоколов допросов свидетелей и заключения следователя Соколова, можно указать на явные несоответствия и даже противоречия в выводах Николая Алексеевича:

1) Обожженные кости, обнаруженные Соколовым около кострищ и «глиняной площадки», были им запротоколированы как кости млекопитающих. Он это подчеркивает, однако добавляет в протоколе, что нужно их подвергнуть экспертизе. В предпринятой попытке их идентифицировать главным врачом Екатеринбургского военного лазарета Бело-

градским Соколов не получил достоверного ответа. Белогородский не смог стопроцентно подтвердить их принадлежность человеку или животному. Он посоветовал Соколову обратиться к специалисту для проведения экспертизы. Однако следователь Соколов в докладе к вдовствующей императрице Марии Федоровне в качестве доказательства берет только начальную фразу из протокола осмотра врачом Белогородским о том, что предъявленные кости могут принадлежать человеку. А остальную часть фразы опускает.

Возможно, найденные следователями обожженные кости – это остатки продуктов животного происхождения, которыми питались в течение двух суток красноармейцы из отряда П.З.Ермакова (около 15–20 человек), а также прибывший в ночь на 18 июля отряд из Урал ЧК под руководством Павлушина в количестве 12 человек. Они привезли с собой на телегах не только инструменты (лопаты, кайло, топоры, веревки), но и продукты. Какие именно – мы не знаем, но поскольку это были здоровые и физически крепкие мужики, то для поддержания сил им были необходимы мясные продукты, которые они могли жарить на кострах и употреблять в пищу. А остатки бросать в костры.

2) Следователь Соколов считал, что тела убитых членов царской семьи и слуг рубились топорами и сжигались на «глиняной площадке» около шахты № 7 с применением бензина и серной кислоты. Во время сжигания и жир, и сало с тел убитых пропитывали почву и стекались ручейками, попадая в колодец, где застывали. Найденные им в малом колодце сальные массы должны были быть подвергнуты экспертизе. В то же время он берет пробы почвы и золы с кострища и фиксирует в протоколе о необходимости их дальнейшей экспертизы. Действительно, если провести химическую экспертизу сальных масс, пробы почв и золы из костра на предмет наличия в них серной кислоты, керосина и наличия человеческого жира, то можно было получить четкий ответ: сжигались они на кострах?

Или нет? Якобы, за недостатком времени, средств и специалистов, следователь Соколов такие экспертизы не провел. Хотя эти возможности у следователя были. Это говорит о его халатном отношении к своему делу.

По мнению автора, эти сальные массы могли появиться в малом колодце в результате попадания жидкого внутреннего сала животных при смазывании им механизмов двуручного ворота для подъема бадьи с рудой.

3) Заявления или вывод Соколова о том, что во время сжигания тел членов царской семьи применялся бензин или серная кислота, не состоятелен. Так как ни бензин, ни кислота не то, что не применялись, а вообще отсутствовали у шахты № 7. Ящики с серной кислотой и бочки с керосином были доставлены 18 июля 1918 года после обеда к своротку с Коптяковской дороги, ведущей к шахте № 7. Где и оставались до вечера. Этот груз на телегах был отправлен с телами убитых поздним вечером в сторону Московского тракта для сокрытия.

4) Никаких следов наличия серной кислоты и осколков сосудов у шахты № 7 следователями не было обнаружено.

5) Одним из доказательств того, что тела не сжигались на «глиняной площадке», является отсутствие оболочек от пуль и зубов, которые трудно поддаются горению. Соколовым были обнаружены в кострище только 2 оболочки от пуль и одна около шахты. Это те самые пули, которые не смогли пробить пояса из бриллиантов, надетых на женщин, и застряли в одежде. Насколько мы знаем, убийцы располагали короткоствольным оружием, по крайней мере 12–15 стволов. И по крайней мере, около 50 пуль должны были попасть в жертвы.

6) Документы следствия, зафиксировавшие допросы следователем Н.А.Соколовым офицеров Академии Генерального штаба, дополняют доклад по делу об убийстве в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года царской семьи. Доклад составлен причисленным к Генеральному Штабу подполков-

ником Бафталовским И.А. летом 1924 года.

Бафталовский отмечал: «Что же касается костров, то было обращено внимание на «слишком незначительное» количество золы и пепла, что определенно указывало на затрату для костров небольшого количества топлива, абсолютно недостаточного для сжигания 12 (11 – Авт.) человеческих тел».

После обследования кострищ офицеры пришли к выводу: «Вывод у всех офицеров и членов комиссии созданся определенный: сожжения царских тел здесь не было, огнем же была уничтожена только одежда царской семьи». Эта мысль подтверждалась еще и тем, что в остатках кострищ не было найдено «ни одного кусочка кости, а тем паче зубов».

«Ни царских тел, ни их останков ни в кострах, ни в шахтах обнаружено не было», – заключает Бафталовский.

Итак, следственной комиссией Намёткина «никаких вещественных данных, указывающих на сожжение останков царской семьи, найдено не было».

7) Важным сообщением для следователя Соколова, связанным с обстоятельствами сокрытия тел царской семьи, должен был послужить протокол допроса Кухтенкова, из которого явствовало, что (похороны) царской семьи продолжались 2 дня, и сокрыты они были в 2-х разных местах. Однако следователь Соколов не принял это во внимание.

13 ноября 1918 года в Верх-Исетском арестном доме член Екатеринбургского окружного суда И.А.Сергеев допросил Кухтенкова Прокопия Владимировича, который сообщил следующее: «В мае месяце я был выбран на должность заведующего хозяйственной частью клуба и оставался в этой должности до отхода красной армии из Екатеринбурга. Клуб был учрежден партией большевиков (коммунистов), но его посещали и не состоявшие членами партии. Квартиру я имел при клубе. Делами клуба управлял президиум в составе семи членов. Из состава президиума я могу назвать: председателя Ивана Парамоновича

(или Парменовича – не помню хорошенько), Сибирина и членов Ивана Федоровича Фролова и Александра Егоровича Костоусова, имен и фамилий остальных не знаю. Члены клуба имели право посещать его и в течение всей ночи: ввиду этого было установлено ночное дежурство членов президиума. Числа 18–19 июля нового стиля, часа в 4 утра в клуб пришли: председатель Верх-Исетского исполнительного комитета Совета Р.К. и красноарм. деп. Сергей Павлович Малышкин, военный комиссар Петр Ермаков и видные члены партии: Александр Егорович Костоусов, Василий Иванович Леватных, Николай Сергеевич Партин и Александр Иванович Кривцов. Все они прошли в так называемую партийную комнату. Когда я зашел, было, в комнату, чтобы погасить лампочки, кто-то из собравшейся компании сказал мне: «Товарищ Кухтенков, уходи: у нас деловой разговор», и я вышел из комнаты, а затем вскоре уехал на рынок за покупками. Вернувшись с рынка, я уже никого в клубе не застал. На следующую ночь, так же часа в 4, те же самые лица, за исключением Малышкина, пришли в клуб. Вид у них, как и в прошлый раз, был «воинственный». Любопытство мое было сильно затронуто, и я решил, насколько возможно, узнать, о чем они совещаются. Было уже светло, и я подошел к партийной комнате, чтобы погасить электричество. Дверь в комнату была не притворена, и, подходя, я услышал сказанную кем-то отрывочную фразу: «Всех их было тринадцать человек, тринадцатый – доктор» (было 11 человек – Авт). Сказал это не то Партин, не то Леватных. Увидев меня, они сказали: «Уходи», а потом один из них (кто именно, не помню) сказал: «Ну, ладно, старик, прибирайся, мы в сад пойдем». Я сделал вид, что занимаюсь уборкой помещения, и унес в ванную комнату драпировки, а затем, вслед за ними, потихоньку пробрался в курятник. Из курятника я вышел к огороду и через огородную дверь – в огород, смежный с клубным садом. В огороде я подполз к земляничной грядке и стал подслушивать

разговор упомянутых в моем показании лиц. Они сидели на скамейке, в расстоянии несколько сажен от меня. Прежде всего я услышал следующую, сказанную Александром Костоусовым, фразу: «Второй день приходится возиться, вчера хоронили, а сегодня перехоранивали», при этом Костоусов «заматюкался» и утерся платком. Восстановить полностью и в связанной форме весь происходивший в саду разговор я не могу, так как до меня доходили только отдельные фразы. Из всего мною слышанного я понял, что Леватных, Партин и Костоусов принимали участие в погребении тел убитого государя и членов его семьи и своими впечатлениями делились с Александром Кривцовым и комиссаром Ермаковым. Вопросы больше предлагал Кривцов, а объяснения давали и хвастались своими поступками Леватных и Партин... О месте погребения убитых было сказано, что их похоронили в 2 разных местах. Где именно – этого сказано не было; я, по крайней мере, не слышал».

8) Важнейшим свидетелем, возможно, давшим ответ к раз-

гадке раскрытия места захоронения царской семьи, был свидетель Лобухин – линейный сторож железнодорожного переезда № 184 Горнозаводской железной дороги. Именно он в ночь с 18 на 19 июля 1918 года видел, как со стороны Коптяков напрямик, через Поросенков Лог, прошел обоз и грузовик. Лобухина это весьма удивило, потому что через лог автомобили практически не ездили, а пользовались объездной (временной) дорогой. Как он и предполагал, этот автомобиль застрял. И пытаясь выбраться, не единожды застревал. Лобухин сообщил следователю Соколову, что грузовик надрывно тархтел, красноармейцы два раза приезжали к домику Лобухина за водой, чтобы залить закипающий радиатор. Утром, когда он вместе с сыном пошел в лог посмотреть, то обнаружил новый мостик из шпал и доски от изгороди, который был уложен для проезда автомобиля. Следователь Соколов, зная об этом мостике еще из протокола допроса поручика А.Шереметьевского, должен был обратить особое внимание на показания Лобухина. Как следо-

ватель-аналитик он должен был просчитать ситуацию: для чего грузовику, застрявшему в логу, понадобилась целая ночь или несколько часов, чтобы выбраться из размытой земли. Достаточно было пары лошадей и десятка солдат, чтобы преодолеть возникшее препятствие. Значит, это была не главная причина, а что-то иное.

А что именно?

И подсказка этому – мостик из шпал!

Возможно, следователь Соколов не мог себе представить, что большевики изберут именно этот дикий способ захоронения. Возможно, если бы Соколов допросил Лобухиных ранее, во время осмотра Поросенкова Лога и ж. д. переезда № 184 (в мае-июне 1919 года), то он бы обследовал Поросенков Лог и обнаружил под мостиком из шпал место сокрытия тел Романовых. Но, к сожалению, этого не случилось.

К несчастью, следователь Соколов не смог вычислить, арестовать и допросить ни одного участника «Похоронной команды» (из отряда Ермакова и отряда Павлушина) и ни одного свидетеля.

Мостик из шпал, 1919.

Многие участники этих зловещих событий оставили воспоминания, которые хранились под грифом «секретно» в архивах Москвы и Екатеринбурга и стали доступны историкам только в начале 1990-х годов (ГАРФ, РГАСПИ, ГАСО и ЦДООСО и др.).

А что же происходило в те дни на самом деле?

По воспоминаниям Якова Юровского, на секретном совещании старых большевиков 1 февраля 1934 года, состоявшемся в музее революции города Свердловска, он подробно рассказал об убийстве царской семьи и о сокрытии их тел.

В частности, «рано утром 17 июля 1918 года ценности собрали, вещи сожгли, а трупы, совершенно голые, побросали в шахту. Вот тут-то и началась новая морока. Вода-то чуть покрыла тела, что тут делать? Надумали взорвать шахты бомбами, чтобы завалить. Но из этого, разумеется, ничего не вышло. Я увидел, что никаких результатов мы не достигли с похоронами, что так оставлять нельзя и что надо все начинать сначала, так как было ясно, что трупы надо извлекать из шахты и куда-то перевозить в другое место, так как кроме того, что и слепой бы их обнаружил, место было провалено, ведь люди-то видели, что что-то здесь творилось».

Заставы оставил, оставил охрану на месте, взял ценности и уехал. Поехал в Облсполком и доложил по начальству, сколь все неблагоприятно. Товарищ Сафаров и не помню кто еще послушали, да так ничего и не сказали. Тогда я разыскал Филиппа Голощекина, указал ему на необходимость переброски трупов в другое место. Когда он согласился, я предложил, чтобы сейчас же отправить людей вытаскивать трупы. Я займусь поиском нового места. Филипп вызвал Ермакова, крепко отругал его и отправил извлекать трупы. Одновременно я поручил ему отвезти хлеб, обед, так как там люди сутки без сна, голодные, измучены...»

Далее Юровский рассказывает о поисках нового места, уже на Московском тракте. «Пока мы ездили, возник другой план,

сжечь трупы, но как это сделать – никто толком не знает, так как никто толком не знал, как это выйдет, я все имел ввиду шахты Московского тракта и, следовательно, перевозку. Я решил добыть телеги и, кроме того, у меня возник план, в случае какой-либо неудачи похоронить их группами в разных местах на проезжей дороге. Дорога, ведущая в Коптяки около Урочища, – глинистая, так что если здесь без посторонних глаз похоронить, ни один бы черт не догадался, зарыть и обозом проехать, получится мешанина – и все».

«Поехал к начальнику снабжения Урала Войкову добывать бензин или керосин, а также серной кислоты, это на случай, чтобы изуродовать лица и, кроме того, лопаты. Все это я добыл. В качестве товарища комиссара юстиции Уральской области я распорядился взять из тюрьмы десять подвод без кучеров. Погрузили все и поехали. Сам же я остался ждать где-то запропавшего Полушина, «спеца» по сжиганию. Потом мне сообщили, что он поехал ко мне верхом на лошади, я его ждал у Войкова, и что он с лошади свалился и повредил себе ногу и что поехать дальше не может. Имея ввиду, что на машине можно снова засесть, уже часов в 12 ночи я верхом, не помню с каким товарищем, отправился к месту нахождения трупов. Меня тоже постигла беда, лошадь запнулась, встала на колени и как-то неловко припала на бок и отдавила мне ногу, я с час или больше пролежал, пока снова смог сесть на лошадь. Приехали мы поздно ночью, шли работы по извлечению. Я решил несколько трупов похоронить на дороге. Приступили копать яму, и к рассвету она была почти готова. Ко мне подошел один из товарищей и заявил, что, несмотря на запрет никого близко не подпускать, откуда-то явился человек, знакомый Ермакова, которого он допустил на расстояние, с которого было видно, что тут что-то роют, так как лежали кучи глины. Хотя Ермаков и уверял, что он ничего видеть не мог, тогда и другие товарищи, кроме сказавшего мне, стали иллюстрировать, то

есть показывая, где тот был и что он несомненно не мог не видеть. Так был провален и этот план».

«Дождавшись вечера, мы погрузились на телегу. Держали курс на Сибирский тракт (Юровский оговорился, на Московский тракт – Авт.), переехав полотно железной дороги, мы перегрузили снова трупы в грузовик и снова засели вскоре. Мы уже приближались к полуночи, тогда я решил, что надо хоронить где-то тут, так как здесь никто видеть не мог, единственно кто мог видеть, несколько человек – это был железнодорожный сторож разъезда. Я послал натаскать шпалы, чтобы покрыть ими место, где будут сложены трупы. Я забыл сказать, что в этот вечер, точнее в ночь, мы 2 раза застряли. Сгрузив все, вылезли, а второй раз безнадежно застряли. Месяца 2 тому назад я, перелистывая книгу следователя по чрезвычайно важным делам при Колчаке Соколова, видел снимок этих уложенных шпал, там так и указано, что вот место, уложенное шпалами, для пропуска грузовика. Так что перекопав целый район, они не догадались заглянуть под шпалы. Тут же развели костер, и пока готовилась могила, мы сожгли 2 трупа: Алексея и по ошибке, вместо Александры Федоровны, сожгли очевидно Демидову. (Юровский ошибается: была попытка сожжения цесаревича Алексея и Великой княжны Марии – Авт.).

На месте сжигания вырыли яму, сложили кости, заровняли, снова зажгли большой костер и золой скрыли всякие следы. Прежде чем сложить в яму остальные трупы, мы облили их серной кислотой, потом спустили в яму, снова залили их серной кислотой, яму завалили шпалами закрыли, грузовик пустой проехал, несколько утробовали шпалы и поставили точку. В 5–6 часов утра, собрав всех и изложив им важность сделанных дел, предупредив, что все должно о виденном забыть и ни с кем никогда об этом не разговаривать, мы отправились в город. Потеряв нас, когда мы уже все кончили, приехали ребята из Обл. ЧК, товарищи Исая, Родзинский, Горин и еще кто-то».

Вышеописанную картину дополняют воспоминания непосредственного участника этих событий Григория Сухорукова, которые он оставил в 1929 году.

Он был в составе отряда особого назначения Урал ЧК, направленного Федором Лукояновым – председателем Урал ЧК, для осуществления операции по перезахоронению трупов Романовых. Воспоминания хранятся в бывшем Свердловском партархиве, ныне ЦДООСО.

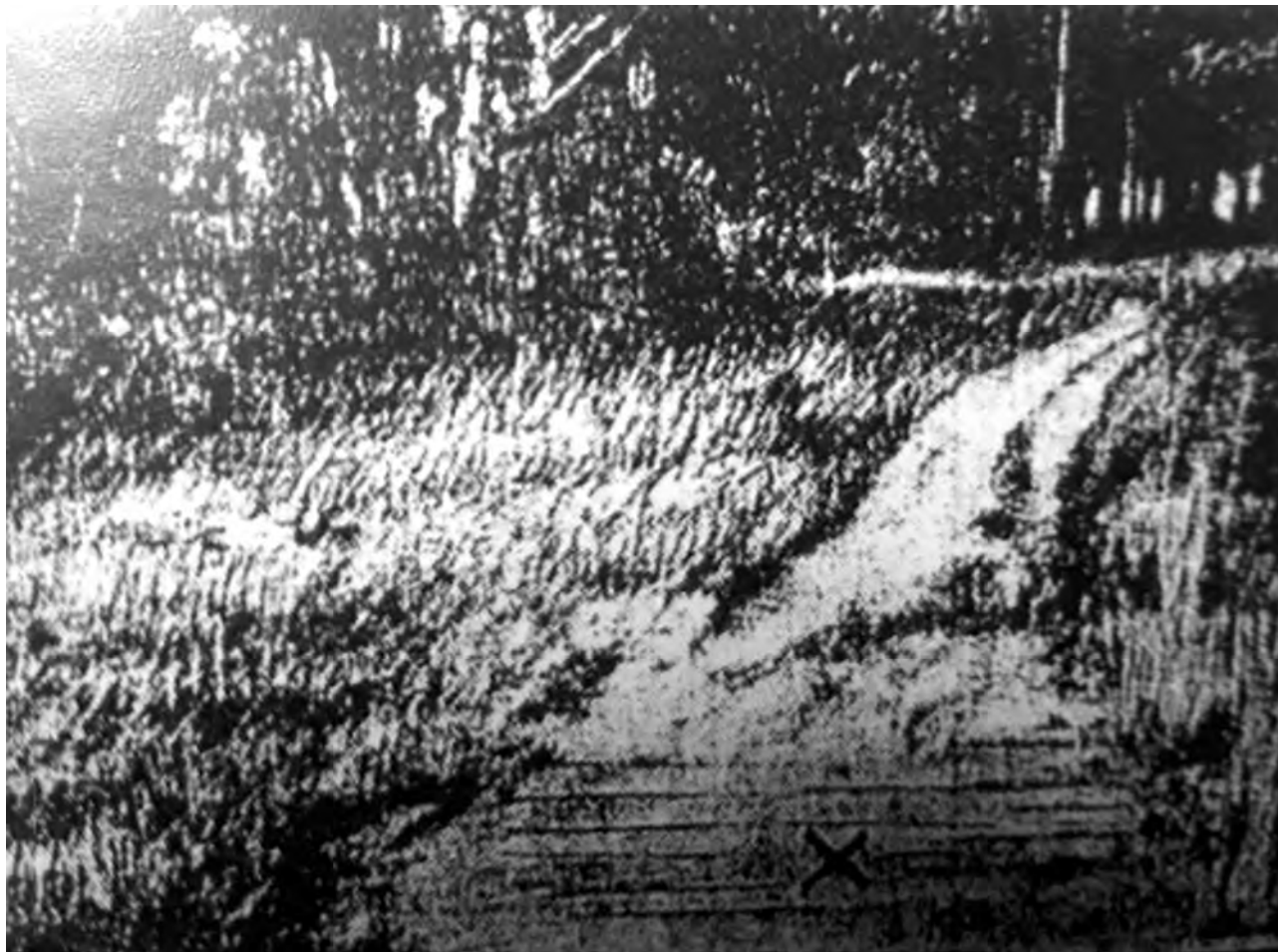
«Простояв в Кузьинском заводе несколько дней, мы получили приказание выехать в г. Екатеринбург для формирования, так как к тому времени были изрядно потрепаны по приезду в Екатеринбург. Из остатка нашего батальона отобрали приблизительно человек 35 для отряда при Уральской Областной ЧК, куда попал и я, через несколько дней приблизительно 18 или 19 июля (17-го – Авт.) из отряда нас отбирают человек 12 и говорят: «Товарищи, вам вверяется тайна госу-

дарственной важности, с этой тайной вы должны умереть, горе будет тому, кто не оправдает нашего доверия. Мы говорим: что мы добровольцы, большинство из нас члены партии или члены социалистического союза рабочей молодежи (тогда существовавший), а к тому же товарищ Полушин нас хорошо ведь знает и должен за нас держать ответ, и мы готовы на все. Тогда председатель Урал ЧК Лукоянов Федор говорит: «Сегодня мы должны ехать хоронить семью Николая Романова. Она расстреляна.

Об отступлении никто не думал, и ночью же выехали в сторону Верх-Исетского завода. Ехали на экипажах. Точно не помню, сколько нас было человек, но многих помню: 1. Юровский – комиссар города. 2. Наш комиссар Полушин. 3. Из ЧК – Горин. 4. Родзинский. Потом не знаю фамилию мажар в сером костюме, в последствии он сжег серной кислотой... 5. Ермаков. Из красноармейцев: 6. Тягунов Федор – мой земляк, убитый на Деникин-

ском фронте. Лысвинские рабочие: 7. Боженев Алекс. 8. Пospelов Николай. 9. Сунегин Влад. 10. его брат Иван (они, кажется, сейчас в Перми). 11. Самойлов Николай (в Москве учится на красного професс.). 12. Веселков Михаил (работает в Свердловском ГПУ)».

«Приехали утром к шахтам, где были трупы, около шахты пепел от костра. Братва начала рыться, догадавшись, что здесь сжигали царскую одежду. Время шло, работа ударная, нужно было приступить к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе, первым спустился в шахту с веревкой в руке Сунегин Вл., и начали извлекать сначала дрова, цельными плахами. Потом работа показалась нудной и длинной, решили взяться прямо за трупы. На подмогу Сунегину спустился я. И первая попавшая нога оказалась Николая, который и был благополучно извлечен на свет божий. А за ним и все остальные».

В 1928 г. в газете «Уральский рабочий» 17 июля появилась статья сотрудника Уралиспарта Алексея Баранова под названием «Последние дни Романовых».

«Для точности можно отметить, что все были голыми, за исключением наследника, который был в одной нательной матроске, но без штанов. По извлечению трупы сложили недалеко от шахт и закрыли палатками, приступили к обсуждению: куда девать? Сначала решили вырыть яму прямо на дороге, закопать, сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым, и эту работу бросили, решили дожидаться автомобилей и с соответствующим грузом потом отвести в Верх-Исетский пруд. Вечером пришли грузовые автомобили, трупы были уже погружены на повозки, и мы с повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали. Недалеко была мочажина, насланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик, почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели, и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой и снова наложить шпалы, так было и сделано.

Для того, что если бы белые даже нашли эти трупы и не догадались по количеству, что это цар-

ская семья, мы решили 2 штуки сжечь на костре. Что мы и сделали».

Тайна гибели царской семьи и их захоронения в течение многих лет, вплоть до конца 80-х, оставалась неизвестной для широкой общественности, так как все участники и свидетели казни царской семьи и их захоронения были строго-настроено предупреждены о сохранении тайны и высокой ответственности за ее разглашение. В средствах массовой информации, а также в нескольких книгах, посвященных этой теме, – П.Быков «Последние дни Романовых» (1926, 1930 гг.), Я.Резник «Чекист» (1968 г.), Л.Касвинов «23 ступени вниз» (1973 г.), не было подробностей убийства и захоронения.

В 1928 году в газете «Уральский Рабочий» 17 июля появилась статья сотрудника Ураллистпарта Алексея Баранова под названием «Последние дни Романовых», в которой ничего нового о судьбе царской семьи не раскрывалось, однако статья была проиллюстрирована

тем самым мостиком из шпал на Коптяковской дороге.

Историкам-романоведам известна аналогичная фотография, где изображен Петр Ермаков, стоявший на краю мостика.

Этот снимок был сделан фотографом Л.Суриным в 1924 году, одновременно с другим снимком, на котором он запечатлел руководителей Уральской области (комиссия из 13 человек), которой П.Ермаков показывал место сожжения Романовых.

Подпись под снимком гласила: «Место сожжения расстрелянных Романовых (Ганина Яма), д. Коптяки, близ Свердловска.

Таким образом, для ответственности и, в первую очередь, для жителей деревни Коптяки и жителей Верх-Исетского поселка города Свердловска открылась тайна! Многие жители ездили по Коптяковской дороге и наверняка узнавали этот мостик, под которым были спрятаны останки царской семьи.

Подтверждением тому служит секретное письмо и.о. заведующего Ураллистпартом Шатунова,

адресованное зав. издательством «Уральский рабочий», в отдел печати Урал Обкома ВКП(б), П. П. Г.П.У. на Урале и музей революции. Оно гласило: «По сведениям, имеющимся в Уралиспарте Обкома ВКП(б), есть случай спекуляции, фальсификации и опубликования исторических фотоснимков без ведома Истпарт и музея Революции, часть которых пока еще не подлежит опубликованию. Есть предположение о похищении в редакции ряда исторических фотоснимков бывшим фотографом «Уральского рабочего» Суриным. Обслуживающие фотоснимками областные газеты фотографы в настоящее время не внушают доверия, и с его стороны возможны спекуляции этими документами с фальсификацией. Случаи фальсификации не редки, и они особенно вредны тем, что не только искажают смысл этого документа, но и дискредитируют работу музея, где они выставлены как документы, иллюстрирующие важные политические события на Урале.

Во избежание подобных недоразумений в дальнейшем прошу передать музею Революции все негативы с историко-революционных снимков и обеспечить контроль над опубликованием имеющихся.

В редакциях исторических фотоснимков (музей Революции, согласно имеющемуся в нем положению, имеет право на монопольное использование исторических документов и фотографий). Приобретение их в музее Революции со скидкой 25% по сравнению с фотографиями редакций, помимо материальной поддержки в столь важном деле, как ознакомление трудящихся с документами революционной борьбы, с социалистическим строительством сможет гарантировать издательство от недоразумений, подобных опубликованному неразрешенному фотоснимку (Уральский Рабочий от 15 июля сего года) с указанием точного места сожжения трупов Романовых. Сенсаторы поставили Истпарт и музей Революции перед фактом опубликования фотоснимка, который из-за предосторожно-

сти паломничества обывателей к этому месту не выставлен даже в музее Революции.

При неудовлетворении с вашей стороны просимых мероприятий Уралиспарт и музей Революции вынуждены будут снять с себя ответственность за последствия, неизбежно могущие быть в данных условиях, и привлекать виновных к ответственности за повторение подобных случаев в дальнейшем».

Доподлинно не известна реакция на это письмо, кроме того, что тираж газеты был изъят из обращения, и ни в одной из библиотек Екатеринбурга вы не найдете этого номера, кроме спецхрана. Автор статьи Алексей в 1930-х годах был репрессирован.

Следует добавить, что место сокрытия Романовых в редких случаях показывали «высоким» гостям. Так, например, в январе 1928 года город Свердловск посетил пролетарский поэт В.Маяковский, которого председатель Свердловского Горисполкома Анатолий Парамонов возил на место сокрытия тел Романовых.

Находясь под большим впечатлением от увиденного Маяковский в ту же ночь написал стихотворение «Император», где описал эту поездку.

Место захоронения царской семьи, которое было обнаружено Гелием Рябовым и Александром Авдониным, благодаря записке Я.Юровского (1920 г.), вскрыто в 1979 году. Обнаружены человеческие останки, которые не были идентифицированы. И только в 1991 году было осуществлено официальное Государственное вскрытие. Проведенные экспертизы с привлечением иностранных специалистов подтвердили принадлежность обнаруженных останков Романовым и их слугам. В 2007 году неподалеку от первого захоронения было обнаружено еще одно. 5 декабря 2008 года на Международной научно-практической конференции учеными различных направлений, проводивших экспертизы, было наглядно и убедительно доказана 100% принадлежность в первом и втором

захоронении царской семье и их слугам.

Следователь Соколов до конца своей жизни продолжал следственное дело, надеялся издать книгу. Но внезапно скончался в 1924 году от инфаркта. Похоронен в г. Сальбри во Франции. На кресте надпись: «Правда твоя – Правда во веки».

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД ДОМА ИПАТЬЕВА, ИЛИ ЕЩЕ ОБ ОДНОЙ ОШИБКЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ Н.СОКОЛОВА

Самым загадочным и таинственным местом города Екатеринбурга вот уже более 200 лет является Вознесенская горка. В первую очередь это связано с подземными ходами и сооружениями, созданными одним из богатейших промышленников и крепостников Урала, старообрядцем Львом Ивановичем Расторгуевым, который при строительстве своей усадьбы с северной стороны Вознесенской горки и соорудил многочисленные подземные ходы, связывающие

господский дом с различными объектами своей усадьбы: с ротондой, с подземным гротом, с островом на искусственном острове в Английском парке, а также с домом Григория Зотова, известного промышленника, жестокого крепостника, получившего прозвище «Кыштымский зверь». Наверное, были и другие подземные ходы, а не только выше обозначенные. Возможно, эти ходы существуют и поныне. Но они до сих пор не исследованы, и тайна их сокрыта и по сей день.

Легенды сохранили до нас сведения, что этот дом соединялся подземным ходом с домом Расторгуева. И свидетельством этому было одно из воспоминаний, опубликованное 1 октября 1918 года в газете «Уральская жизнь». В статье под названием «К расстрелу семьи Романовых» был опубликован рассказ типографского рабочего, проживавшего на квартире по Александровскому проспекту вместе с большевистским военным комиссаром Николаем Уфимцевым. «У последнего часто собирались его друзья, происходило страшное

Каретный сарай с каменным погребом во дворе дома Н.Н.Ипатьева. 1919. Фото Н.Н.Введенского.

пьянство, и советские дельцы не стеснялись открывать свои тайны. Рассказчик утверждает, что расстреляны не только Николай Романов и вся его семья... Комендант при Романовых заявил им, что к дому подошла вооруженная толпа, грозившая самосудом, и предложил Романовым спуститься в подземный ход, соединяющий дом, в котором находились Романовы, с соседним, Харитоновским домом. В этом подземном ходе и были все расстреляны. Расстрелом руководил военный комиссар Верх-Исетского завода Петр Ермаков, он же и похоронил расстрелянных».

Как мы доподлинно знаем, убийство царской семьи свершилось не в подземном ходе, а в подвале дома Ипатьева, где вместе с царской семьей погибли их верные слуги.

После революции предпринимались попытки геофизических исследований Вознесенской горки. Но подземного хода, ведущего из дома Ипатьева к Харитоновскому дому обнаружено не было.

В июле 1977 года, незадолго до сноса дома Ипатьева, властями

было проведено секретное обследование особняка на предмет сокрытия в нем тайников и драгоценностей царской семьи или их владельцев (трех предыдущих владельцев дома), а также обнаружения подземных ходов и пустот.

Специальная комиссия под руководством профессора Уральского горного института Анатолия Малахова – крупного специалиста по обнаружению подземных пустот, в течение нескольких дней обследовала верхний этаж дома Ипатьева. Особое внимание было уделено подвалу южной стороны здания, где ими и были обнаружены некие пустоты. Однако они не были подземными ходами. Драгоценностей и кладов комиссия не обнаружила.

Отчет работы комиссии до сих пор засекречен или не найден.

16–17 сентября 1977 года Ипатьевский дом был снесен. Это был первый этап сноса особняка. То есть, были уничтожены надземные и часть подвальных сооружений. В том числе и каретник с каменным погребом.

Второй этап свершился в начале 1980-х годов, когда при реконструкции улицы Карла Либкнехта и проведении гражданских коммуникаций (телефонных сетей спецсвязи, высоковольтного кабеля, водовода и подземного перехода через улицу Карла Либкнехта) были разрушены все фундаменты.

Так был ли подземный ход в доме Ипатьева? И да, и нет.

Уже в 1990-х годах автору этих строк, который работал в этом доме с 1974 по 1977 гг., довелось встретиться и поговорить об этой тайне с одним из первых бывших сотрудников учебного центра Управления культуры Свердловского Областного исполкома – Романом Семеновичем Бейком, который рассказал удивительную историю о настоящем подземном ходе дома Ипатьева.

В 1971 году, когда дом Ипатьева был передан в аренду областному Управлению культуры под учебный центр, он вместе с заведующим этим центром Степаном Дмитриевичем Гончаровым проверял или обследовал доставши-

еся после областного партийного архива все помещения на территории бывшей усадьбы дома Ипатьева. Осмотрев главное здание, флигель, котельную, одноэтажное каменное строение во дворе, в котором при прежних владельцах размещались баня, прачечная и конюшечная, они проверили и так называемый каретник с каменным погребом. Это был огромный деревянный сарай из рубленого леса, который имел два этажа. В нижней его части хранились дрова, а при прежних владельцах – телеги. В верхнем этаже, возможно, хранилось сено. В центральной части каретника, ближе к южной стороне имелся лаз в так называемый каменный погреб. Размер его был метр на метр. Спустившись вниз по лестнице, они попали в погреб с ледником. При тусклом свете электрической лампочки они с удивлением обнаружили, что в южной стене погреба имелась небольшая дверца с наружным замком. Размер этой двери составлял примерно 50 см на 1 метр.

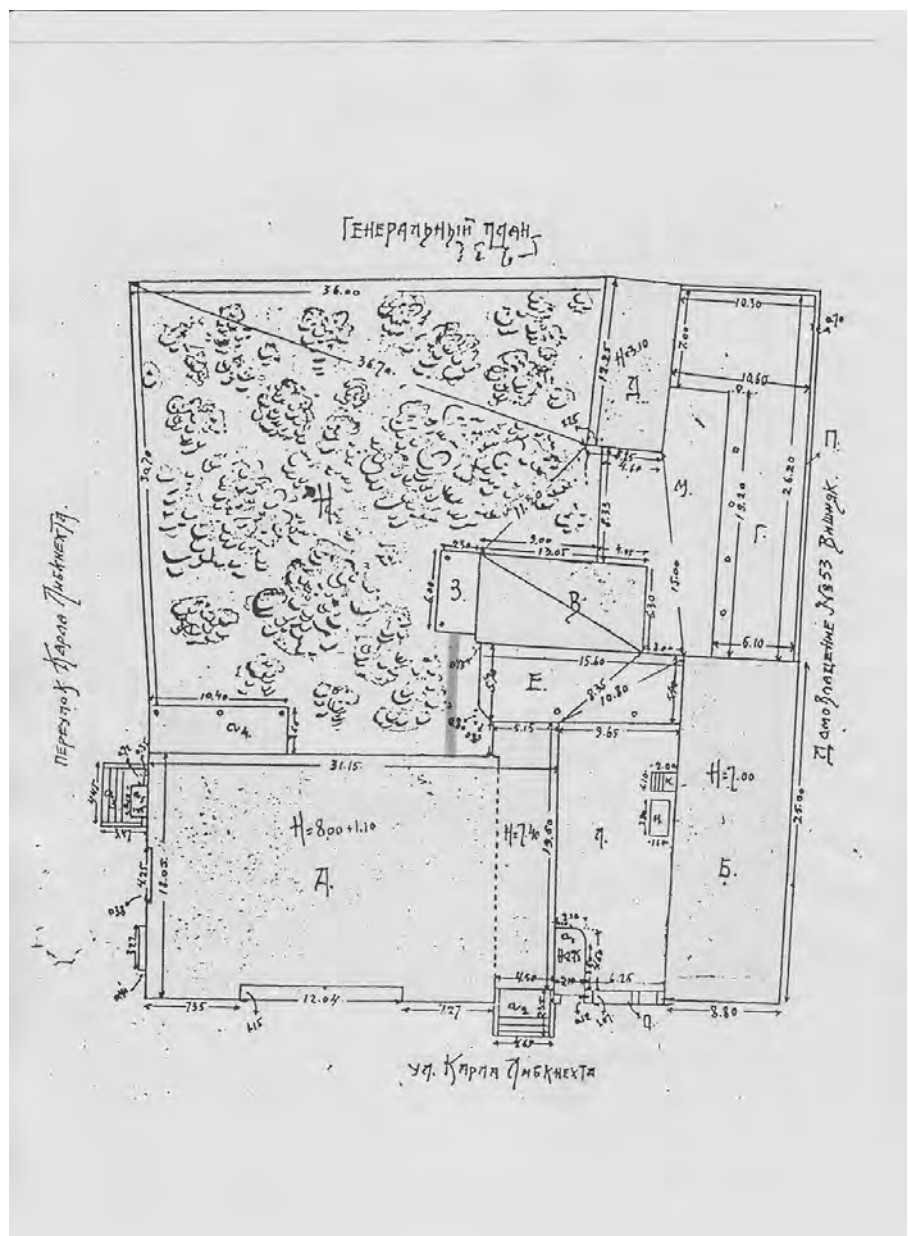
Что было за этой дверью? Неизвестно. Вооружившись электрическими фонарями и фомками, они сбили замок и, открыв дверь, попали в подземный ход. Подземный ход был вырублен в камне, а точнее, в мягком минерале серпентините, из которого сложена Вознесенская горка. Этот минерал можно было рубить кайлом. Размеры подземного хода позволяли пройти человеку среднего роста. Было сыро и холодно. Однако им удалось пройти около 8 метров. Дальше ход был засыпан землей.

Для подтверждения существования хода я обратился к бывшей сотруднице областного партийного архива Овчинниковой. Она сообщила, что в период существования в доме Ипатьева областного партийного архива, она слышала от завхоза архива о существовании в этом погребе какой-то неизвестной двери с южной стороны погреба. Она не знала, что это за дверь и куда она ведет. Так как погреб был всегда закрыт, как и сам каретник.

В 2000 году, когда было принято постановление правитель-

ства Свердловской области о строительстве Храма-памятника на Крови во имя всех Святых в земле Российской просиявших, по инициативе археологического отдела научно-производственного отдела по охране памятников истории и культуры были проведены археологические раскопки на бывшем подворье дома Ипатьева. Всеми работами руководил Сергей Николаевич Погорелов – заместитель заведующего археологическим отделом НПЦ. Одним из интереснейших объектов археологических раскопок был «каменный погреб». По воспоминаниям С.Н.Погорелова: «На глубине более 3-х метров от современной поверхности была выявлена ниж-

няя часть знаменитого каменного погреба (под каретником), в котором хранились вещи из царского Тобольского обоза! Он оказался оригинальным: 5х5 метров внутреннего пространства, стены сложены из двойного ряда тесаных подпрямоугольных гранитных блоков на известковом растворе. Сооружение заглублено в материковую скальную породу Вознесенской горы. Еще более тщательную обработку имели 17 гранитных плит, которыми был выстелен пол помещения. Тщательно пригнанные друг к другу, они лежали на толстой известково-щебенистой и песчаной подушке, служившей для отвода воды, проникающей под землю. Мы извлекли подлин-

Каретник с каменным погребом дома Ипатьева соединен подземным ходом (вертикальная линия).

Арх. раскопки на подворье дома Ипатьева в 2000. Вид на фундамент бывшего каменного погребца. На переднем плане – выемка для двери ведущей в подземный ход. Вид с южной стороны.

ные старинные плиты на поверхность.

К сожалению, как оказалось впоследствии, их постигла та же участь, что и фрагменты Ипатьевского дома – строители их выбросили. Но каково было наше удивление, когда при расчистке каменного пола мы обнаружили, что в юго-западном углу погребца одна из плит имеет чашеобразное углубление с отверстием посередине. Когда плиту сняли, ниже ее на 20–25 см оказалась вторая, меньшего размера и тоже с выемкой и отверстием. Под второй сливной плитой была ямка с уплотненным дном, и через каменную стену, на юг, было оформлено квадратное в сечении сквозное отверстие, идущее наружу. Но куда?

И совершенно неожиданное открытие было сделано при расчистке участка стены погребца, рядом с этим каналом – мы зафиксировали порог дверного проема! И это на глубине не менее 3 метров от поверхности».

Далее Сергей Николаевич продолжает: «Специалистам известно, что революционеры Уралсовета, и в частности П.Л.Войков и И.И.Родзинский, участвовали в секретной операции по так называемым подложным «письмам белого офицера», призывающим царскую семью к побегу. Таким образом, планировалось убийство царской семьи при побеге из окна дома. Но кроме этого существовала гипотеза о реальном «побеге» при использовании «подземного хода».

Анализ собранных материалов предполагает следующую картину. Первый хозяин дома – горный инженер Редикорцев И.И., использовал в каменном погребе ледник и систему отвода талых вод. Как это выглядело? В конце зимнего периода на городском пруду выпиливались ледяные блоки, которые опускались в погреб, в заранее отведенное место. Сверху блоки закрывались опилками. Тем не менее, в

летний период лед таял, и вода собиралась в верхнюю чашу. Оттуда поступала в нижнюю и по каменному желобу выводилась за пределы погребца. Поскольку каменный погреб был расположен на территории усадьбы и доступ к нему был весьма затруднителен, Редикорцев И.И. решил соорудить подземный ход, который бы соединял господский дом (а именно кухню, которая располагалась в нижнем этаже дома) с погребом. Напрямую расстояние составило бы не более 15 метров. Вход со стороны подземного хода был расположен в подполье нижнего этажа, там, где размещалась кухня. Повар или экономка могли легко спуститься в подполье и свободно пройти по подземному ходу в погреб за продуктами, а не в круговую, через двор.

Таким образом, легенда о подземном ходе, соединяющем Ипатьевский дом с домом Харитонова оказалась несостоятельной. Подземный ход был, но он был локаль-

ного значения и соединял главное здание и каменный погреб.

Белое следствие, в лице следователей Сергеева и Соколова, не предпринимало попыток для того, чтобы проверить одну из версий убийства царской семьи в подземном ходе. Как и не предпринимало попыток обследования всех помещений нижнего этажа и в частности кухни и подполья. А это дало бы следствию дополнительные материалы для расследования. Интересен факт, что все арестованные в своих показаниях об убийстве и дальнейших действий в помещениях нижнего этажа отмечают то, что после убийства из караульного помещения в доме Попова были вызваны несколько охранников для уборки «расстрельной комнаты». Так, разводящий Якимов сообщил следователю, что в комнате после убийства было много крови. А охранники принесли несколько ведер опилок из сарая и, заметая

их вместе с кровью, сбрасывали их в подполье. А вместе с опилками и кровью убитых находилось большое количество стрелянных гильз из полуавтоматического оружия, в том числе: 2-х десятизарядных «Маузеров», 2-х семизарядных «Браунингов», 1-го семизарядного «Кольта».

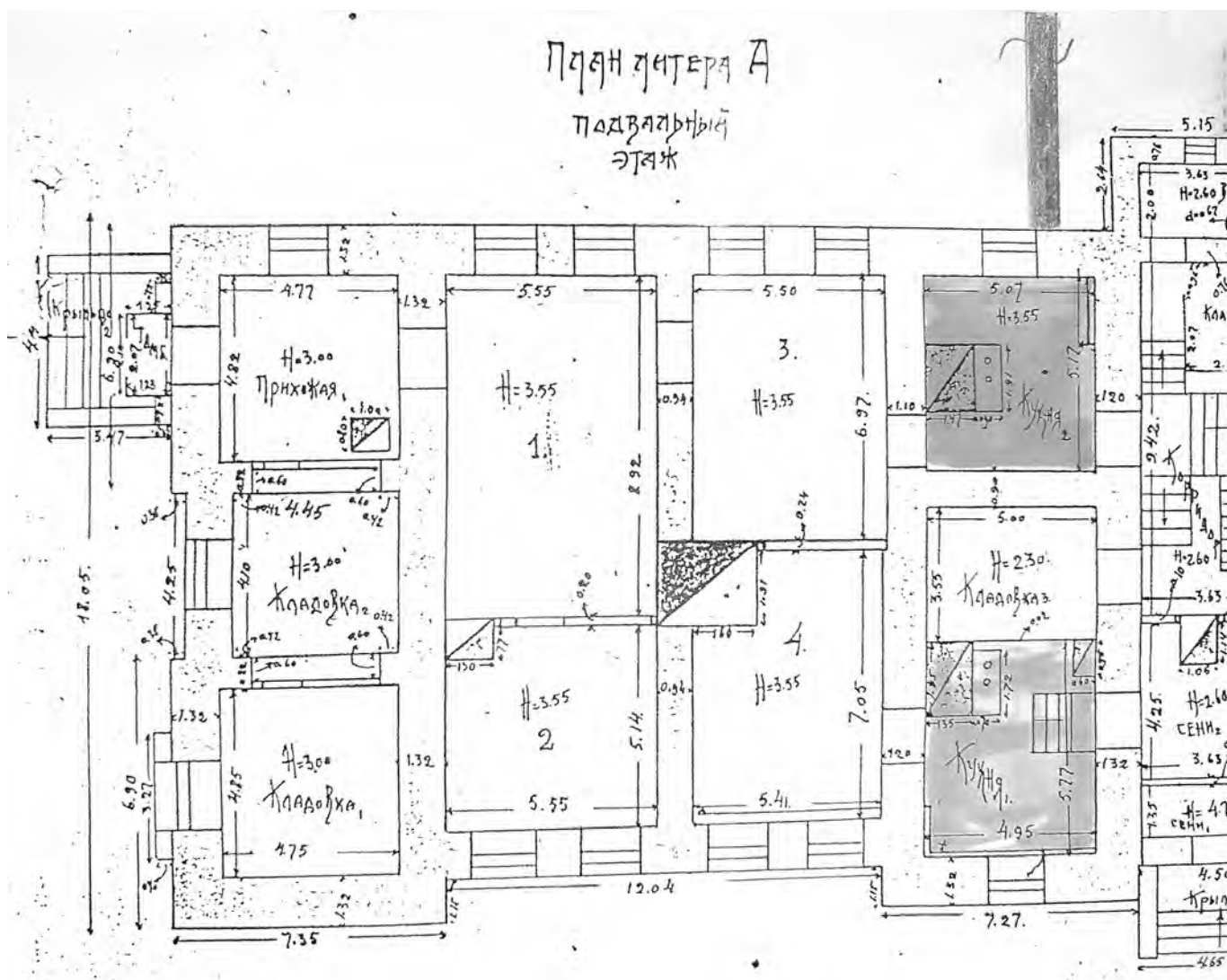
В общей сложности количество пустых гильз могло составлять около 40 штук. Револьверные гильзы оставались в барабанах.

Другой важный момент касается пуль, которые рикошетили от алмазных повязок или «жилетов». Эти повязки были у всех женщин, кроме Александры Федоровны. Согласно воспоминаниям Юровского, эти бриллианты были обнаружены после убийства, уже в урочище «Четыре брата». По его словам, их набралось около 8 кг. Поскольку ограненный алмаз (бриллиант) является самым прочным минералом в мире, то пули, в

первую очередь от револьверов системы «Нагана», рикошетили и, по воспоминаниям расстрельщиков, летали и свистели, ранив одного из них.

Если бы следователи обнаружили их, то, по крайней мере, могли бы узнать используемый тип оружия, примерное число стволов и более полно выяснить картину убийства.

Р

ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ БОТКИН СТРАСТОТЕРПЕЦ

**Анна
МЕЛЬНИК-БОТКИНА**

Евгений Сергеевич Боткин, военный врач, погиб в 1918 г. Своей особой судьбой, будучи лейб-медиком императорской семьи, он разделил страдания России, охваченной революцией и Гражданской войной.

Его решением было принять мученическую смерть со всеми членами Царской семьи, но не отступить от величайших ценностей глубоко верующего православного христианина и великого гражданина своей Родины – России.

ДЕТСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ

Евгений Сергеевич Боткин родился в Царском Селе 8 июня 1865 г. в многодетной семье известного русского врача-терапевта Сергея Петровича Боткина и его первой жены Анастасии Александровны Крыловой.

Сергей Петрович Боткин был одним из основоположников общественной и частной гигиены в современной российской медицине, создателем ее эксперимен-

тального направления. Он был лейб-медиком Российских императоров Александра II и Александра III. Также он способствовал организации первых в России Женских врачебных курсов, создал в Санкт-Петербурге систему думских врачей, оплачиваемых правительством, для оказания медицинской помощи бедным горожанам, и школьный санитарный надзор.

Мать Евгения Сергеевича, Анастасия Александровна, урожденная Крылова. О ней писали так: «...воспитана она была замечательно многосторонне и основательно: она была отличный музыкант и тонко понимала музыку, имела выработанный вкус и к произведениям русской, французской и немецкой литературы, и всеми этими языками владела в совершенстве».

Высокий уровень домашнего образования позволил Евгению Сергеевичу в 1878 году поступить сразу в пятый класс Второй Санкт-Петербургской классиче-

ской гимназии, где рано проявились его блестящие способности к естественным наукам.

Уже в детстве проявлялись такие черты характера Евгения, как скромность, хорошие отношения с близкими и неприязнь к насилию.

После окончания гимназии в 1882 году Евгений поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Затем перешел на подготовительный курс Военно-медицинской академии, которую закончил, будучи «третьим по старшинству баллов в своем курсе».

Широкие возможности открывались для его медицинской карьеры, но он в возрасте 25 лет пошел работать в Мариинскую больницу для бедных – там, где, по его словам, «есть грязь, боль и страдания».

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

С началом Русско-японской войны доктор Боткин добровольцем отправился на фронт, демонстрируя там свое мужество и талант организатора. Он был назначен заведующим медицинской части Маньчжурской армии, курируя госпиталь Святого Георгия и другие госпитали Красного Креста. Это был его первый опыт военно-полевой терапии, первое столкновение с жестокой реальностью.

Студент Евгений Боткин.

Сергей Петрович Боткин в Военно-медицинской академии.

Обращая внимание на дезорганизацию армии, он писал: «...целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие расчеты становятся выше понятий об Отчизне, выше Бога...»

После окончания войны, в 1908 г., Евгений Сергеевич выпустил книгу «Свет и тени Русско-японской войны», составленную из писем к жене и дневниковых записей очевидца проигранной войны.

ЛЕЙБ-МЕДИК

В апреле 1908 г. Евгений Сергеевич назначается лейб-медиком Императорского двора и личным врачом императорской семьи, по

пожеланию императрицы Александры Федоровны, прочитавшей мемуары доктора о Русско-японской войне. В них императрица увидела в нем знающего, ответственного, великодушного и самоотверженного человека. А также, возможно, сыграли роль его работы по изучению крови. Все: император, а также великие княжны и цесаревич очень скоро всем сердцем к доктору привязались и относились к нему с полным доверием.

Здоровье Николая II было превосходным, но его супруга страдала от последствий дифтерии, перенесенной в юности. Главным же объектом тревог и врачебной заботы Евгения Сергеевича стал цесаревич, 1904 г. рождения. Алексей страдал гемофилией, на-

Государь и Евгений Боткин.

следственным заболеванием нарушения свертывания крови.

Дни доктора Боткина были посвящены императорской семье. Вечера он проводил вместе со своими студентами Военно-медицинской академии либо выполнял свои обязанности как член медицинских обществ, либо занимался благотворительной деятельностью. В 1909 г. его супруга Ольга Владимировна, к сожалению, покинула семью. Евгений Сергеевич согласился на развод, причем право опеки над детьми – Глебом, Татьяной, Дмитрием и Юрием, перешло ему.

Он признал свою вину, хотя в разводе не был виноват, и в течение восьми лет сам себя не допускал к Таинству Святого Причащения.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

После начала Первой мировой войны члены семьи доктора Боткина не оказались в стороне ее тягот. Сам Евгений Сергеевич с императрицей активно участвовал в организации госпиталей для раненых в царских дворцах и даже размещал раненых в своем доме в Царском Селе. Его единственная дочь, Татьяна, добровольно пошла работать сестрой-милосердия в госпиталь, организованный в Екатерининском дворце, а два старших сына, Георгий и Дмитрий, отправились на фронт. С передовой вернулся только один. Дмитрий, служивший хорунжим Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка на Западном фронте, погиб 3 декабря 1914 года.

Второй, старший сын, Георгий, на войне был тяжело ранен. Доктор Боткин всегда старался облегчить физические страдания своих пациентов, он не только их лечил, но и духовно поддерживал, укреплял.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II – ССЫЛКА И КАЗНЬ

После февральского переворота 1917 г. императорская семья была заключена в Александровском дворце Царского Села. Всем слугам и помощникам предложи-

Доктор Е.С.Боткин со своими детьми.

Доктор Е.С.Боткин со старшими сыновьями Юрием и Дмитрием. 1914 г.

Николай II в ссылке в Царском Селе, 1917 г.

ли по желанию покинуть узников. Но доктор Боткин остался с пациентами.

Собственные дети Евгения Сергеевича, Глеб и Татьяна, остановились в Царском Селе у своих друзей. В августе 1917 г. царская семья была сослана в Тобольск. Глебу и Татьяне разрешили сопровождать отца, и все трое жили в двух комнатах дома Корниловых, расположенного напротив бывшей губернаторской резиденции, где прописалась царская семья.

В Тобольске Евгений Сергеевич открыл бесплатную медицинскую практику для местных жителей.

В апреле 1918 г. вместе с царской семьей доктора Боткина перевезли из Тобольска в Екатеринбург. Детям доктора Боткина не разрешено было последовать за отцом. Доктор Боткин ратовал за улучшение питания и более комфортные условия жизни заключенных и быстро завоевал доверие солдат охраны, предлагая им медицинскую помощь. Через него проходили переговоры с охранниками и представителями исполнительного комитета Урала.

В тот момент была еще возможность покинуть царскую семью, но медик их не оставил.

Доктор Е.С.Боткин с детьми Татьяной и Глебом.

Ипатьевский дом. Екатеринбург. 17 июля 1918 г.

В эти дни Евгений Сергеевич писал: «Только молитва и горячая безграничная надежда на благодать Божью нас поддерживает».

Евгений Сергеевич знал о предстоящей казни, большевики предложили ему покинуть царскую семью, пообещав работу и защиту.

Доктор любезно поблагодарил и отказался такими словами: «Но видите ли, я дал царю мое честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить наследника одного. Как могу я это совместить со своей совестью. Вы все же должны это понять...» – рассказывает в своих воспоминаниях Иоганн Мейер, бывший плененный австрийский солдат, вступивший в ряды большевиков.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. жителей дома разбудил комендант И.Юровский, который под предлогом перевода их в безопасное место отдал приказ охранникам спуститься всем в подвал. Там он объявил о решении Уральского Совета казнить царскую семью, и это решение было немедленно выполнено.

Той ночью вместе с царем Николаем II и его семьей в подвале Ипатьевского дома были также расстреляны доктор Боткин, камеристка Анна Степановна Демидова, камердинер Алоизий Егорович Трупп и повар Иван Михайлович Харитонов.

3 июля 1918 г., за несколько дней до страшной трагедии в доме Ипатьевых, Евгений Сергеевич Боткин пишет письмо, адресованное брату Александру. Это письмо объясняет, почему доктор решил сопроводить царскую семью в ссылку и разделить ее трагическую судьбу, оставив своих собственных детей сиротами. Оно также показывает, насколько хорошо доктор знал о своей предстоящей смерти.

«Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, – по крайней мере, отсюда, – хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишня: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь от куда-нибудь еще писать, – мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое зем-

ное существование. В сущности, я умер, – умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, – как хочешь: последствия почти тождественны. <...> ...но я ... иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза. <...>

Ты видишь, дорогой мой, что я духом бодр, несмотря на испытанные страдания, и бодр настолько, что приготовился выносить их в течение целых долгих лет... Меня поддерживает убеждение, что «претерпевший до конца, тот и спасется. <...> ...Я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести Ему в жертву своего единственного сына. И я твердо верю, что так же, как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им Отцом. <...> ...я все могу выдерживать, что Господу Богу угодно будет мне ниспослать...»

Это незаконченное письмо было найдено в личных вещах доктора.

Екатерининский придел Петропавловского собора.

Захоронения же жестоко убиенные ждали до июля 1998 г.

На месте убийства был воздвигнут Храм-памятник на Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской просиявших.

А на месте обнаружения останков доктора Боткина, членов царской семьи и их слуг в 1999 году официально открыт Мемориал Романовых.

КАНОНИЗАЦИЯ

Синодальная комиссия по канонизации святых признала возможность общецерковного прославления страстотерпца праведного Евгения врача (Боткина), принявшего страдания вместе с царской семьей в Ипатьевском доме. Решение 2016 г. дополняет другое, ранее принятое решение: в 1981 г. Евгений Сергеевич Боткин был канонизирован Русской зарубежной церковью как новомученик.

В Бога подвиг страстотерпчества – это страдание за верность христианским заповедям. Евгений Сергеевич Боткин принял смерть

как страстотерпец, убиенный за верность православным и профессиональным убеждениям. Как Страстотерпец, он проявил покорность воле Божьей и показал полное отсутствие гнева на своих убийц.

Ему потребовалось много мужества, чтобы оставить детей одних, расстаться с жизнью (в возрасте 53 лет).

Я была очень рада принять участие в подготовке материалов для канонизации, знакомиться с документами, совершать поездки в Россию и выделила важные для канонизации элементы:

– Доктору Евгению Боткину молилось много людей, прочитавших его сочинения. Молящиеся рассказали мне, что обращались к нему еще до его канонизации. – Смирение и гуманизм доктора были очевидны, и можно было видеть, как Бог ведет его по жизни, помогая справиться с испытаниями (его выбор лечить бедных, потеря первого ребенка, еще совсем младенца, гибель старшего сына в 1914 г.).

– О высокой духовности доктора Боткина было известно, поэтому се-

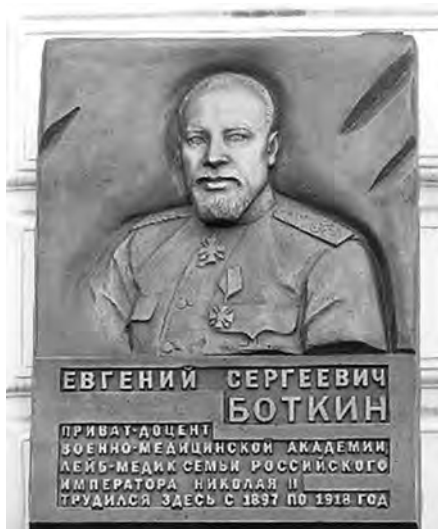
стры Ново-Тихвинского женского монастыря города Екатеринбург в 2013 г. ответили мне так: «Мы были очень рады получить ваше письмо, поскольку мы тоже с глубоким благоговением чтим память Евгения Сергеевича Боткина. Для нас его жизнь – это пример величия духа, твердости в вере и любви к ближним. И мы единомысленны с вами в том, что необходимо сохранить память об этом человеке, чтобы многие люди, вдохновляясь его примером, укреплялись в вере и любви».

Во время Всероссийского съезда православных врачей, который проходил в 2015 г., епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон открыл на главном корпусе Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге мемориальную доску в память о лейб-медике Боткине и отметил, что лично не сомневается в его праведности.

Также важно отметить, что Евгений Боткин является современным святым. Это не только пример для медицинского мира, но и для отношений в семье, на работе, в дружбе. Вот почему в молитве

А.К.Мельник-Боткина и сестры Ново-Тихвинского монастыря.

святому Евгению Боткину содержатся такие духовно-нравственные ценности:

хороший врач и чудотворец,
верный друг,
великодушный и милосердный,
врач бедных и обездоленных.

МОЛИТВА ПРАВЕДНОМУ ЕВГЕНИЮ БОТКИНУ, СТРАТОТЕРПЦУ

Святой славный исповедниче
и стратотерпче Евгение! Веруем

и уповаем, яко страданьми и богоугодною жизнью твоею стяжавый велию милость и дерзновение у Господа Бога, не забыл еси достоинства твоего земного, отечества нашего, в немже обуреваемы есмы, почитателие твои, многими напастями вражиими и страстьми житейскими.

Темже просим тя: молитвами и предстательством твоим умоли Господа нашего Иисуса Христа, да избавит нас от всяких бед и злых обстоятельств, от всяких недугов и болезней и от всех врагов, видимых и невидимых.

О, великий угодниче Божий! Воздохни о нас, грешных, ко Владыце всяческих, да простит нам вся согрешения наша и низпослет на ны благодать Всесвятаго Духа, да преставше всякаго сквернодействия, прочее время живота нашего во всяком благочестии и чистоте проживем и, тако благоугодивше Господу, сподобимся жизни вечнображенныя, поюще и воспевающе превеликое милосердие Божие и твое милостивое предстательство за нас у Престола Божия во веки веков. Аминь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Девиз рода Боткиных – «Верою, верностью, трудом» – Евгений Сергеевич с честью исполнил.

Наблюдая за происходящим и участвуя во всем этом, я испытывала чувство умиротворения. Но я также понимаю, что это связано с уникальной судьбой моего прадеда и что это не устраняет всех страданий славянских народов на протяжении XX века. Но разве долг перед памятью, которой я живу, не в том, чтобы построить мост между поколениями, чтобы передать и разделить наши главные ценности?

Литература:

Ковалевская О.Т. С царем и за царя. Мученический венец царских слуг. – Москва: Русский Хронографъ, 2008. – 416 с.

Верный Богу и царю. Житие святого стратотерпца Евгения Боткина. – Ново-Тихвинский женский монастырь. – 2018. 496 с.

Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. – СПб.: Царское Дело, 2010. – 536 с.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ И ПРИЧИНАХ СМЕРТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ Н.А.СОКОЛОВА

Михаил ВЕБЕР

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории и археологии
УрО РАН (Екатеринбург).

23 ноября 1924 г. в городке Сальбри, во Франции, в возрасте 42 лет скоропостижно скончался следователь Николай Алексеевич Соколов, получивший всемирную известность благодаря расследованию обстоятельств убийства царской семьи в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Внезапная кончина Соколова в сравнительно молодом возрасте породила массу слухов и сплетен о том, что к ней приложили руку советские спецслужбы или представители каких-то других тайных организаций, решивших помешать следователю продолжать его деятельность по расследованию обстоятельств убийства Николая II и его семьи. Впоследствии версия о смерти Соколова в результате заговора тайных сил получила довольно широкое распространение на страницах многочисленных публицистических статей и книг.

Первый сильный удар по этой версии был нанесен в 1990-е гг., когда вслед за распадом Советского Союза приоткрылись архивы советских органов госбезопасности, и достоянием гласности стали многие тайные операции советских спецслужб за рубежом. В частности, было подтверждено участие советских агентов в похищении в Париже лидеров РОВСа генералов А.П.Кутепова (в 1930 г.) и Е.К.Миллера (в 1937 г.). Однако никаких документов, подтверждающих что советские диверсанты готовили похищение или покушение на следователя Н.А.Соколова, не было обнаружено. Это и не удивительно – в отличие от лидеров военизированных эмигрантских организаций, Н.А.Соколов не представлял никакой угрозы советской власти.

Окончательно же развеять паутину слухов, домыслов и инсинуаций вокруг причины ско-

ропостижной смерти Соколова в эмиграции помогли документы из его личного дела, сохранившиеся в фонде Пензенского Окружного суда в Государственном архиве Пензенской области. Среди них оказались многочисленные прошения Н.А.Соколова об отпуске по болезни, подкрепленные медицинскими справками. В 2019 г. я опубликовал их в своей книге о следователе Н.А.Соколове¹. Какие выводы можно сделать на основании этих источников?

Как оказалось, на протяжении практически всей сознательной жизни Н.А.Соколова преследовали проблемы со здоровьем. Во время своей службы в Пензенском Окружном суде Соколов каждые 1–2 года просил предоставить ему продолжительные отпуска для лечения и поправки пошатнувшегося здоровья и в подтверждение своих слов прикладывал к прошениям об отпуске медицинские справки. Среди диагнозов, которые ему ставили врачи, были такие серьезные, как малярия, малокровие, неврастения, невроз сердца и предсердная тоска.

Чтобы не быть голословным, приведу выписки из отдельных медицинских справок, сохранившихся в служебном деле Соколова. Так, 24 июля 1906 г. земский врач 3-го участка Городищенского уезда Пензенской губернии в медицинской справке для Пензенского Окружного суда подтвердил, что Н.А.Соколов «страдает в настоящее время нервным переутомлением, выражающимся у него предсердной тоской и ослаблением памяти (anxietas praecordialis et [нрзб]), вследствие чего он нуждается в про-

¹ Вебер М.И. Жизнь и смерть Николая Соколова (1882–1924). Документы и материалы. – Екатеринбург: «Державное наследие», 2019. С. 80–104.

должительном отдыхе от служебных занятий»¹.

27 января 1907 г. и.д. Чембарского уездного врача А.Усов в медицинской справке для Пензенского Окружного суда указал, что Соколов «страдает тяжелой формой истерии (судороги с потерей сознания и повышением температуры) и малокровием с полным упадком сил и питания. Вследствие вышеозначенных заболеваний г[осподин] Соколов ни в каком случае не может нести служебные обязанности и немедленно нуждается в продолжительном (не менее 4 месяцев) отпуске для восстановления своего расшатанного здоровья»². 4 июля того же 1907 г. Мокшанский уездный врач Наум Яковлевич Городецкий подписал медицинскую справку о том, что «и.д. судебного следователя Пенз[енского] окружного суда Николай Алексеевич Соколов 4-го числа сего июля месяца заболел лихорадочным состоянием»³.

27 августа 1908 г. пензенский доктор Михаил Николаевич Ашанин подтвердил в справке для Пензенского Окружного суда, что Н.А.Соколов «в апреле и мае месяце сего года лечился у меня от невралгии. Болезнь его была в тяжелой форме и кроме лекарственного лечения требовала продолжительного (несколько месяцев) отдыха от занятий. По словам Соколова, после лечения у меня он пользовался советами московского доктора Иеруссалимо»⁴.

3 мая 1911 г. Пензенский уездный врач Александр Григорьевич Лебедев в медицинской справке для Пензенского Окружного суда указал, что Соколов «в настоящее время болен невралгией левого седалищного нерва, сопровождающейся сильными болями в левой ноге, головными болями и общей слабостью при бессоннице, а потому безусловно нуждается в полном отдыхе не менее, как на один месяц времени, для соответствующего лечения и полного покоя»⁵. 11 августа 1911 г. тот же Пензенский уездный врач А.Г.Лебедев в

медицинской справке указал, что Н.А.Соколов «за последнее время болен тяжелой формой болотной лихорадки (malaria), осложненной сильным малокровием, увеличением селезенки и общию слабостью, а потому ему для лечения крайне необходим полный покой не менее 2–3 недель времени»⁶.

6 сентября 1912 г. ординатор Пензенской губернской земской больницы Владимир Кириллович Трофимов в медицинской справке подтвердил, что Н.А.Соколов «вследствие значительного истощения, связанного с хроническим катаром дыхательных путей, нуждается в отпуске для восстановления своего здоровья»⁷. 19 июня 1915 г. ставший к этому моменту главным врачом Пензенской больницы Красного Креста все тот же доктор Владимир Кириллович Трофимов выдал Соколову справку о том, что тот «страдает неврозом сердца, а с марта месяца текущего года к этому ... присоединилось малокровие ... на почве переутомления»⁸.

Помимо хронических болезней, на общем состоянии здоровья Н.А.Соколова негативно сказывались и полученные травмы. Так, 1 августа 1909 г. Мокшанский уездный врач Наум Яковлевич Городецкий в справке для Пензенского Окружного суда подтвердил, что «Николай Алексеевич Соколов 1-го числа сего августа месяца заболел воспалением паховых желез обеих сторон. Болезнь несомненно травматического происхождения. Для лечения болезни требуется полный покой в течение по крайней мере одного месяца»⁹. Кроме того, общеизвестно, что Н.А.Соколов получил тяжелое увечье на охоте, в результате которого лишился одного глаза¹⁰.

Можно ли объяснить отдельные ошибки, допущенные Н.А.Соколовым во время расследования обстоятельств убийства Царской семьи, его проблемами

со здоровьем? На мой взгляд, нет. Конечно, тяжелые хронические болезни накладывали свой отпечаток на характер Соколова, но не делали его недееспособным – несмотря ни на что, Соколов оставался, что называется, «в здравом уме и трезвой памяти» и до революции сделал весьма успешную карьеру в Пензенском Окружном суде. А допущенные Н.А.Соколовым ошибки и неверные выводы в следствии по делу о расстреле Царской семьи, по моему мнению, объясняются давлением на следствие политического фактора: как известно, курировать расследование в какой-то момент был назначен генерал М.К.Дитерихс, не скрывавший своих антисемитских взглядов, что и привело следствие к активной разработке версии о ритуальном убийстве русского царя.

Что касается причины скоропостижной смерти Н.А.Соколова в эмиграции, то даже беглый анализ выше приведенных медицинских справок показывает, что Соколов на протяжении длительного времени страдал от болей в области сердца, вызванных постоянными стрессами. Очевидно, что хронические заболевания сердечно-сосудистой и нервной системы были обусловлены общим переутомлением и большими эмоциональными нагрузками. Таким образом, смерть Н.А.Соколова более не выглядит таинственной или внезапной. И без того слабое здоровье судебного следователя было еще более подорвано тяготами и невзгодами, пережитыми в годы революции и Гражданской войны, что и привело в итоге к сердечно-му приступу и преждевременной кончине.

Список литературы

Вебер М.И. Жизнь и смерть Николая Соколова (1882–1924). Документы и материалы. – Екатеринбург: «Державное наследие», 2019. 106 с.

Дитерихс М.К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. В 2 ч. Ч. 1. Причины, цели и следствия. – Владивосток: Типография Военной академии, 1922. 441 с.

Wilton R. The Last Days of the Romanovs. London: Thornton Butterworth Limited, 1920. 320 p.

¹ Вебер М.И. Жизнь и смерть Николая Соколова (1882–1924). Документы и материалы. – Екатеринбург, 2019. С. 83.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ См.: Wilton R. The Last Days of the Romanovs. London: Thornton Butterworth Limited, 1920. P. 15; Дитерихс М.К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. В 2 ч. Ч. 1. Причины, цели и следствия. – Владивосток: Типография Военной академии, 1922. С. 175.

30

Ис. Превосходительству
 Пензенского окружного суда

Господину Превосходительству
 Пензенского окружного суда

Степанов Николай
 на службе должности
 Старшего кандидата

Репорта.

Ваше сиятельство прошу Ваше Превосходительство
 разрешить мне с 1-го августа двухнедельный отпуск,
 так как в виду сильного переутомления и тоски в
 настоящее время в отпуске, в продолжение которого
 мне удалось бы отдохнуть.

Николай Соколов

С. Б. (азарная) Кеньша
 июля 25 дня 1906 г.

На общем собрании постановлено: Соколову разрешить
 двухнедельный отпуск, со дня сдачи описи следственного
 участка старшему кандидату Морочко. А Соколову, по
 окончании срока отпуска, принять в заведывание третий
 следственный участок из Пензы.

Секретарь
 Бондовский

Назначено об отпуске - Соколову - в 189.
 Председ. Суден. Канц. Пензен. окруж. у. в 189.
 С. Б. (азарная) Кеньша - в 189.

31

ЗЕМСКИЙ ВОД.
 3-го участка
 ГОРОДИЩЕНСКОГО УЕЗДА
 Пензенской губернии.

Соколов № 158
 24 июля 1906 г.

Свидетельство

село Н. Борнуки.

Выдано сие и.о. Судебного
 следователя Николаю
 Алексеевичу Соколову в том, что он
 страдает в настоящее время
 нервным переутомлением, выража-
 ющимся у него предсердечной тоской
 и ослаблением памяти, вследствие
 чего он нуждается в продолжительном
 отдыхе от служебных занятий.

врач 3-го участка
 Александров

**Прошение Н.А.Соколова председателю
 Пензенского окружного суда от 27 июля 1906 года
 о предоставлении отпуска по болезни.**

Его Превосходительству, Господину председателю Пензенского окружного суда Старшего кандидата на судебные должности Николая Соколова

РАПОРТ

Честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить мне с 1 августа двухнедельный отпуск, так как в виду сильного переутомления я нуждаюсь в настоящее время в отдыхе.

В удостоверении чего при сем прилагаю свидетельство врача. Кандидат Н.Соколов
 С. Б(азарная) Кеньша Июля 25 дня 1906 года

На общем собрании постановлено: Соколову разрешить двухнедельный отпуск, со дня сдачи описи следственного участка старшему кандидату Морочко.

А Соколову, по окончании срока отпуска, принять в заведывание третий следственный участок из Пензы.

Секретарь Бондовский. ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 30.

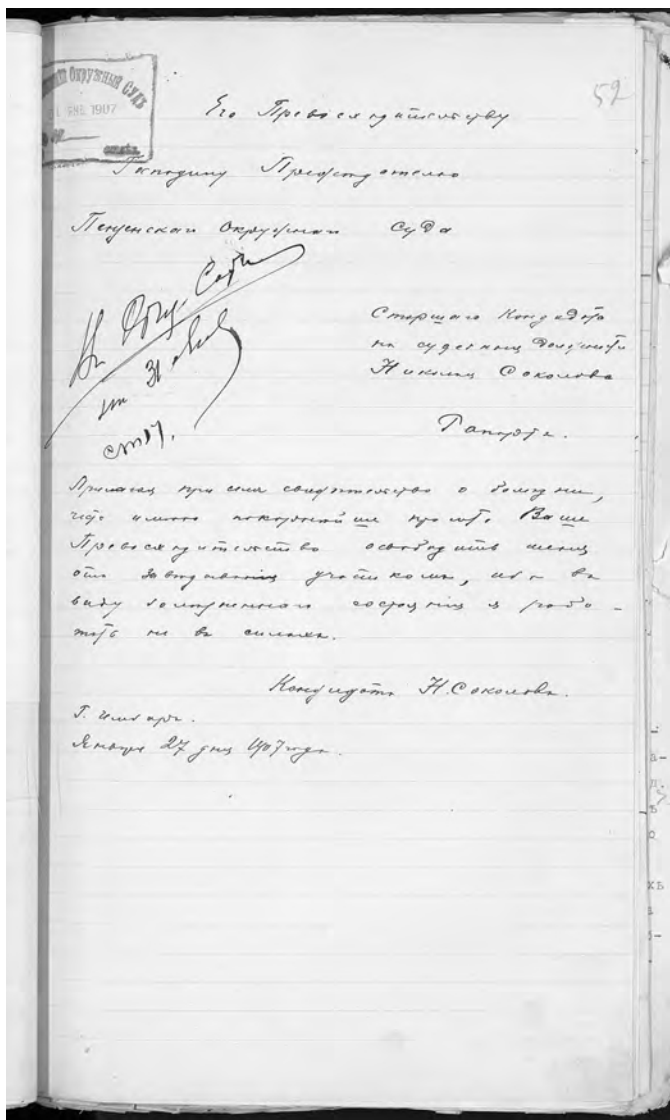
Медицинская справка № 158.

от 24 июля 1906 года о состоянии здоровья Н.А.Соколова
 Земский врач 3-го участка Городищенского уезда Пензенской губернии
 Июля 24 дня 1906 года
 Село Н.Борнуки

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Выдано сие и.о. Судебного следователя Николаю Алексеевичу Соколову в том, что он страдает в настоящее время нервным переутомлением, выражающимся у него предсердечной тоской и ослаблением памяти, вследствие чего он нуждается в продолжительном отдыхе от служебных занятий.

Врач 3го участка
 ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 31.

**Прошение Н.А.Соколова
Председателю Пензенского Окружного суда
от 27 января 1907 года
о предоставлении отпуска
по болезни.**

Его Превосходительству Господину Председателю Пензенского Окружного суда
Старшего кандидата на Судебные должности Николая Соколова

РАПОРТ

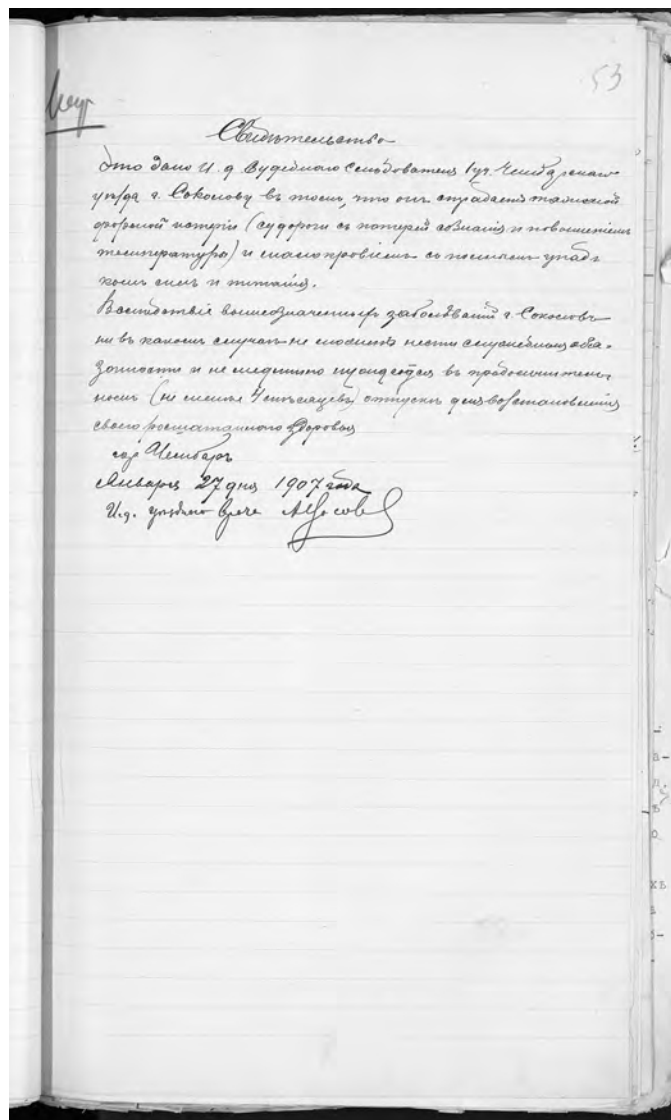
Прилагая при сем свидетельство о болезни, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство освободить меня от заведования участком, ибо в виду болезненного состояния я работать не в силах.

Кандидат Н.Соколов

г. Чембар

Января, 27 дня 1907 года

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 52.

**Медицинская справка
от 27 января 1907 года
о состоянии здоровья Н.Соколова.**

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Это дано и.о. судебного следователя 1 уч(астка) Чембарского уезда г(осподину) Соколову в том, что он страдает тяжелой формой истерии (судороги с потерей сознания и повышением температуры) и малокровием с полным упадком сил и питания.

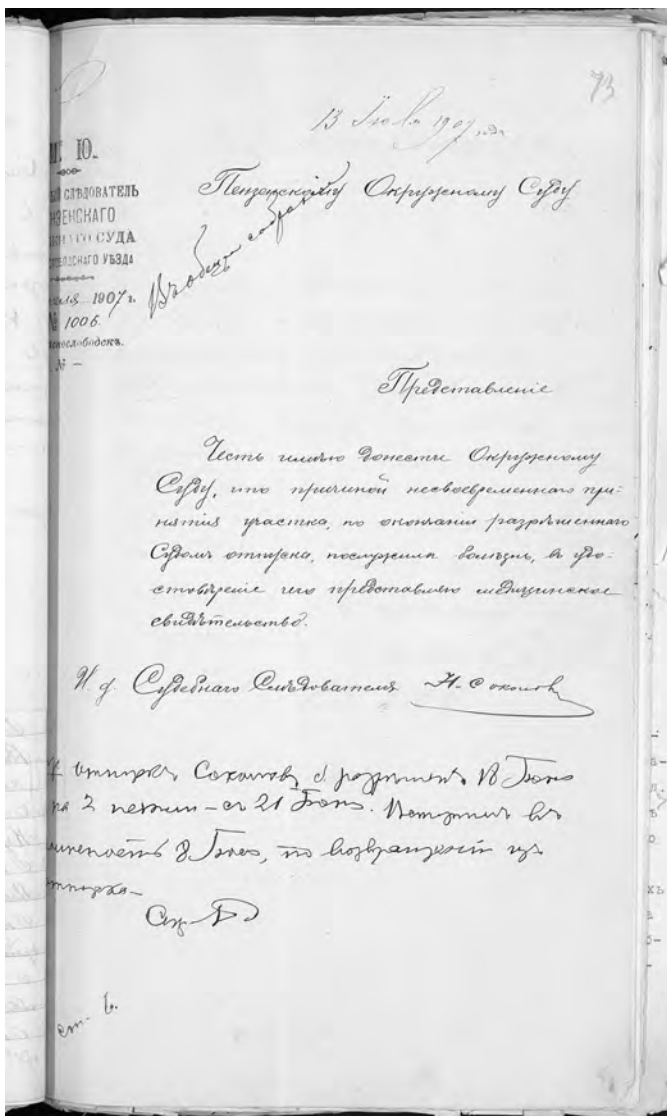
Вследствие вышеозначенных заболеваний г(осподин) Соколов ни в коем случае не может нести служебные обязанности и немедленно нуждается в продолжительном (не менее 4 месяцев)отпуске для восстановления своего расшатанного здоровья.

Гор. Чембар

Января 27 дня 1907 года

И.д. уездного врача А.Усов

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 53.

**Донесение Н.А.Соколова
Пензенскому Округному суду № 1006
с объяснением причин несвоевременного
выхода из отпуска.**

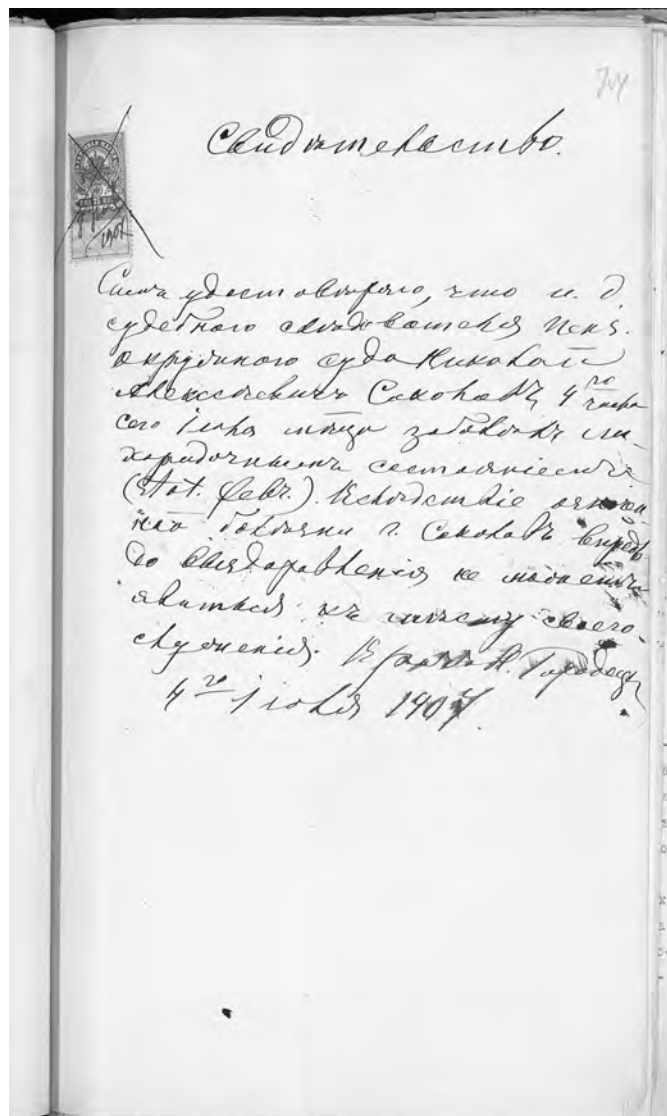
М.Ю. Пензенскому Округному Суду
Судебный следователь Пензенского Округного
Суда Краснослободского Уезда
13 июля 1907 года
№ 1006 г.
Краснослободск

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Честь имею донести Округному Суду, что при-
чиной несвоевременного принятия участия по окон-
чании разрешенного Судом отпуска послужила
болезнь, в удостоверении чего предоставляю меди-
цинское свидетельство.

И.Д. судебного следователя Н.Соколов

ГАПО Фонд 42. Оп 1. Дело 113. Лист 73.

**Медицинская справка
от 04.07.1907 о состоянии здоровья Н.А.Соколова.**

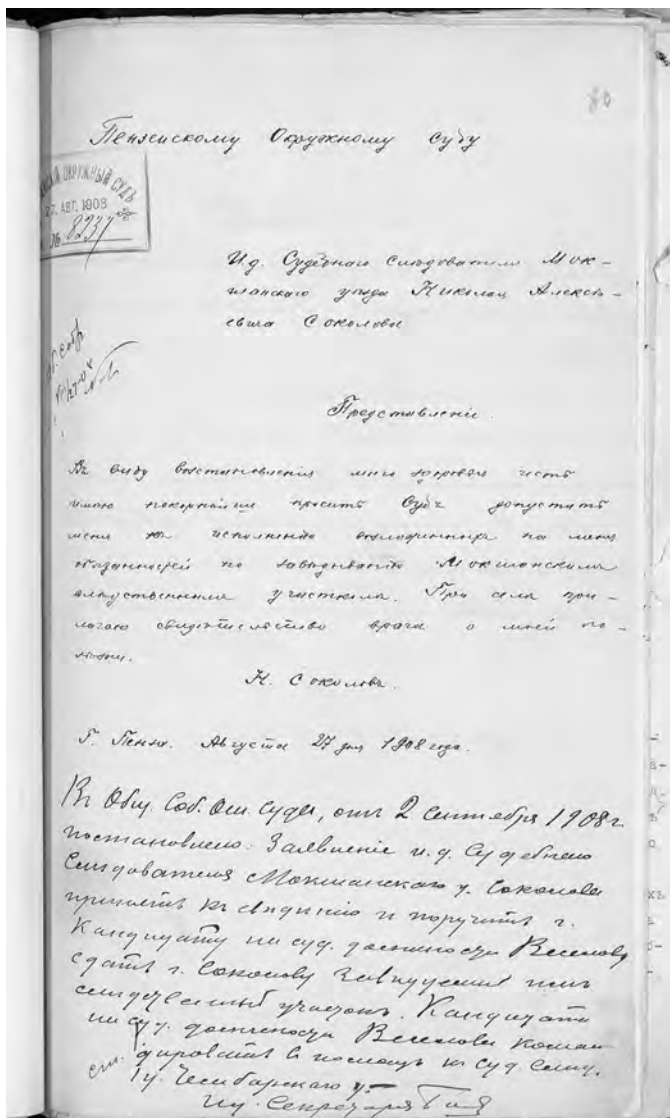
СВИДЕТЕЛЬСТВО

Сим удостоверяется, что и.д. судебного следовате-
ля Пенз(енского) Округного Суда Николай Алексее-
вич Соколов 4 числа сего месяца заболел лихорадоч-
ным состоянием.

Вследствии означенной болезни г(осподин) Соко-
лов впредь до своего выздоровления не может явить-
ся к месту своего служения.

Врач Н.Городецкий
4 июля 1907 год

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 74.

Прошение Н.А.Соколова Пензенскому Окружному Суду от 27 августа 1908 года о допущении к служебным обязанностям после болезни.

Пензенскому Окружному суду
И.д. судебного следователя Мокшанского уезда
Николая Алексеевича Соколова

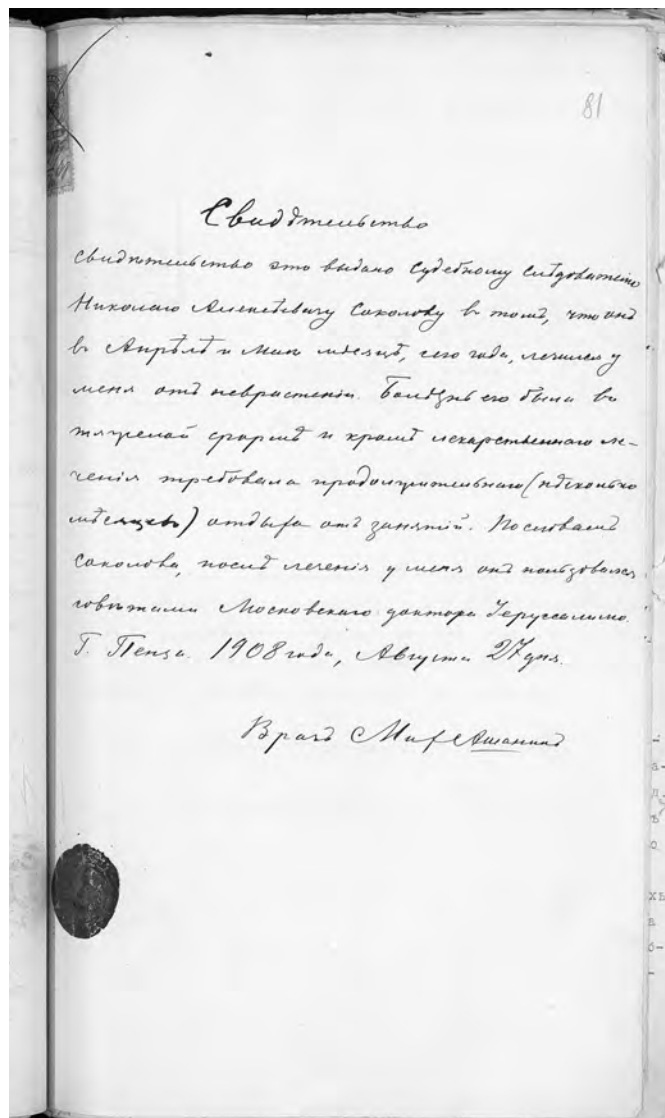
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В виду восстановления моего здоровья, честь имею покорнейше просить СУД допустить меня к исполнению возложенных на меня обязанностей по заведованию Мокшанским следственным участком. При сем прилагаю свидетельство врача о моей болезни.

Н.Соколов

27 дня августа 1908 года

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 80.

Медицинская справка от 27.08.1908 года о состоянии здоровья Н.А.Соколова.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Свидетельство это выдано Судебному следователю Николаю Алексеевичу Соколову о том, что он в апреле и мае сего года лечился у меня от неврастения.

Болезнь его была в тяжелой форме и кроме лекарственного лечения требовала продолжительного (несколько месяцев) отдыха от занятий.

По словам Соколова, после лечения у меня он пользовался советами Московского доктора Иерусалимо.

г. Пенза, 1908 года, августа 27 дня

Врач Мих. Ашанин

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 81.

Прошение следователя Николая Алексеевича Соколова Пензенскому Окружному суду № 2078 от 17 августа 1909 года о предоставлении отпуска по болезни или о назначении следователя-помощника.

М.Ю.Пензенскому Окружному Суду

Судебный Следователь Пензенского Окружного Суда Мокшанского Уезда Августа

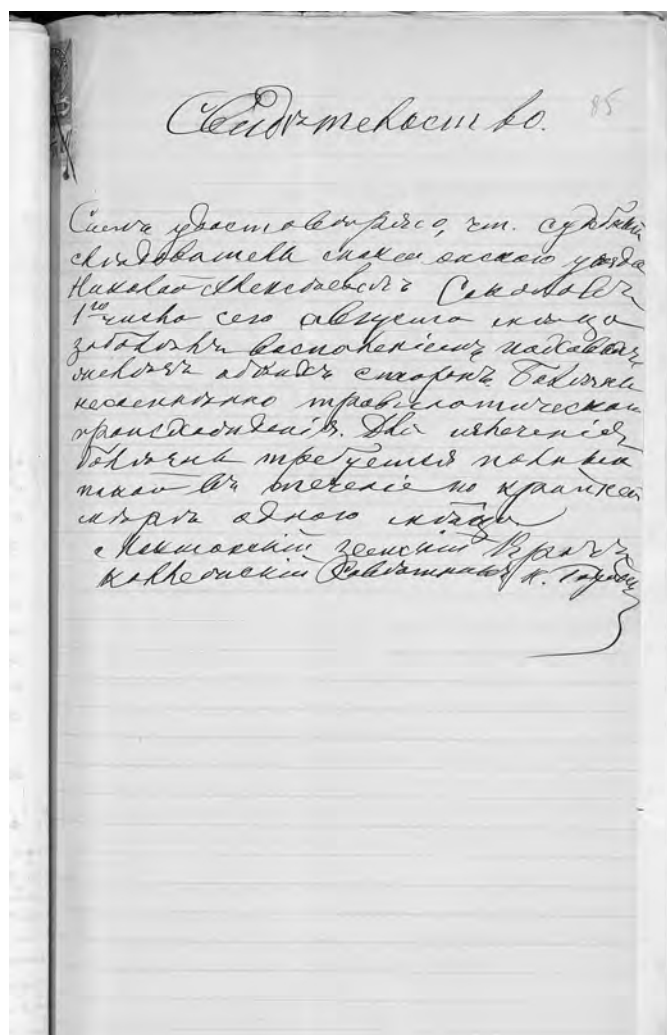
17 дня 1909 года г.Мокшан

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Представляя при этом свидетельство врача Н.Я.Городецкого о моей болезни, препятствующей мне совершать разъезды по участку, имею честь просить Суд освободить меня от исполнения служебных обязанностей или командировать ко мне в помощь кандидата, могущего заменить меня в производстве следствий по волостям, требующим разъездов. Гербовый сбор за оплату свидетельства мною будет представлен особо.

И.д. судебного следователя Н.Соколов

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 84.

Медицинская справка от 01.08.1909 года о состоянии здоровья Н.А.Соколова.

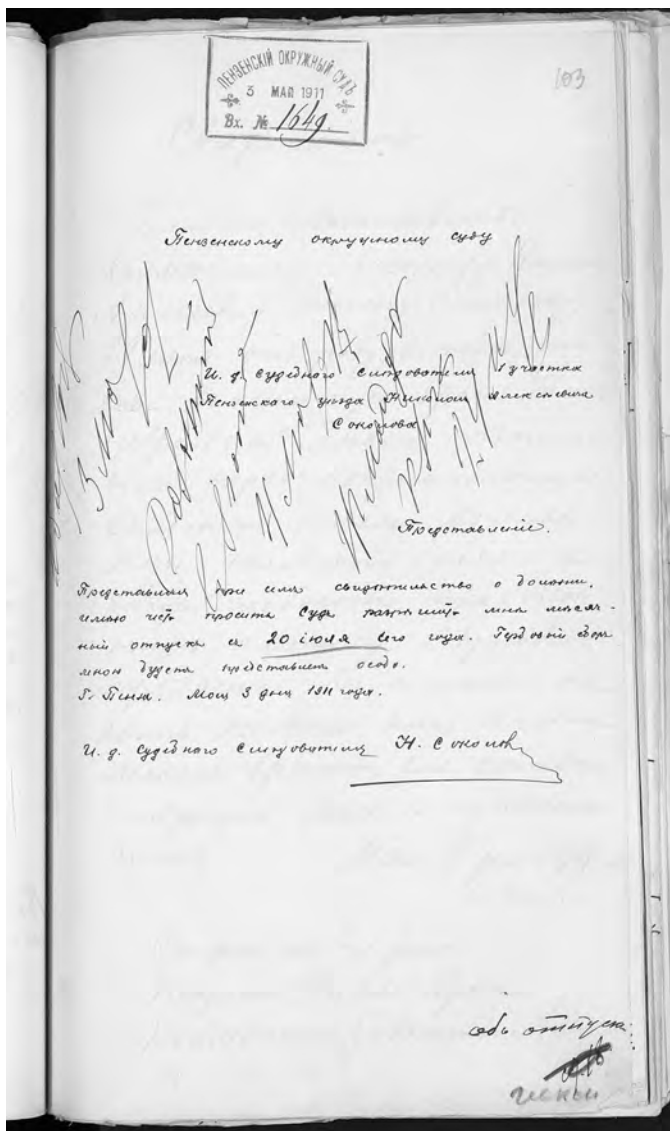
СВИДЕТЕЛЬСТВО

Сим удостоверяется, что судебный следователь Мокшанского Уезда Николай Алексеевич Соколов 1-го числа сего месяца заболел воспалением паховых желез обеих сторон.

Болезнь несомненно травматического происхождения. Для лечения болезни требуется полный покой в течении по крайней мере одного месяца.

Мокшанский Земский врач, Коллежский советник Н.Городецкий

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 85.

Прошение Н.А.Соколова

**Пензенскому Окружному Суду от 03 мая 1911 года
о предоставлении отпуска по болезни.**

Пензенскому Окружному Суду
И.д. судебного следователя 1го участка Пензенского Уезда Николая Алексеевича Соколова

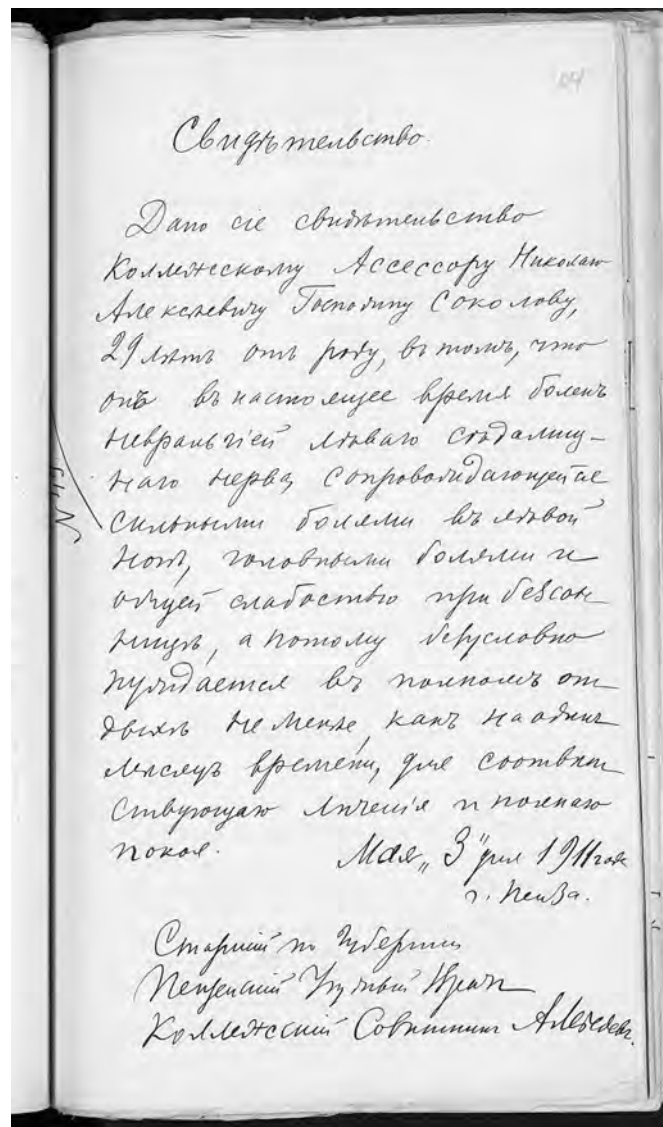
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Представляя при сем свидетельство о болезни, имею честь просить Суд разрешить мне месячный отпуск с 20 июля сего года. Гербовый сбор мною будет представлен особо.

г. Пенза, мая 3 дня, 1911 г.

И.д. судебного следователя Н.Соколов

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 103.

**Медицинская справка от 03 мая 1911 года
о состоянии здоровья Н.А.Соколова.**

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие свидетельство Коллежскому Ассессору Господину Соколову, 29 лет от роду, в том, что в настоящее время он болен невралгией левого седалищного нерва, сопровождающейся сильными болями в левой ноге, головными болями и общей слабостью при бессоннице.

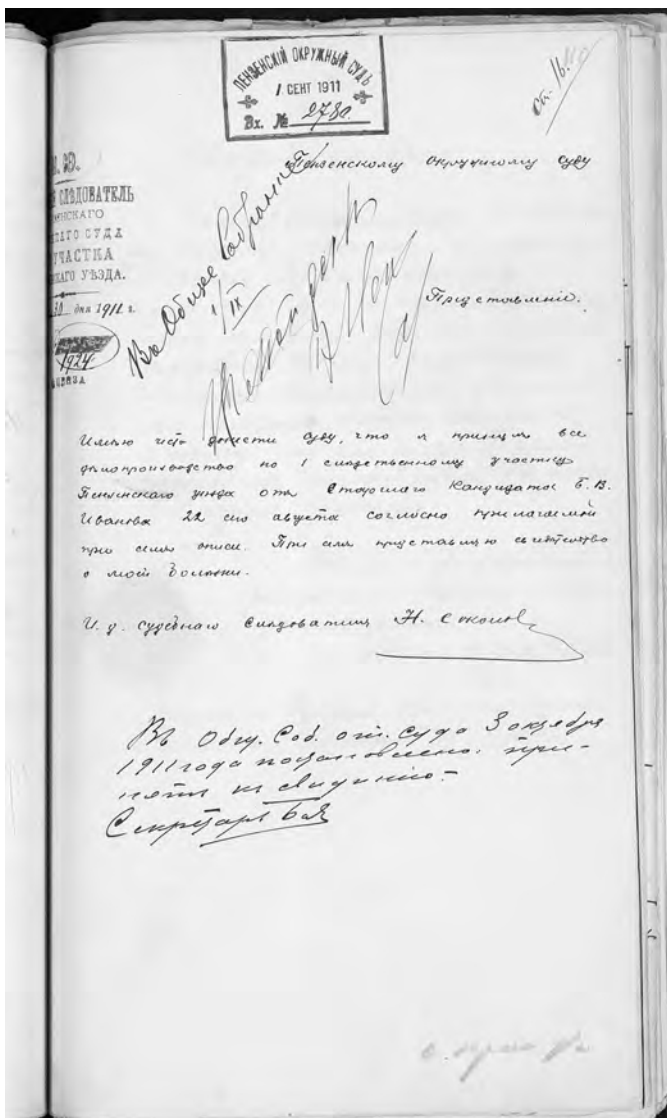
А поэтому безусловно нуждается в полном отдыхе не менее, как на один месяц времени, для соответствующего лечения и полного покоя.

Мая, 3 дня 1911 года

г. Пенза

Старший по губернии, Пензенский Уездный врач
Коллежский советник А.Лебедев

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 104.

**Донесение Н.А.Соколова
Пензенскому Окружному Суду № 1924
от 30.08.1911 о принятии дел по первому
следственному участку Пензенского Уезда.**

М.Ю.
Пензенскому Окружному Суду

Судебный следователь Пензенского окружного
суда, 1 участка Пензенского Уезда
Августа, 30 дня 1911 года

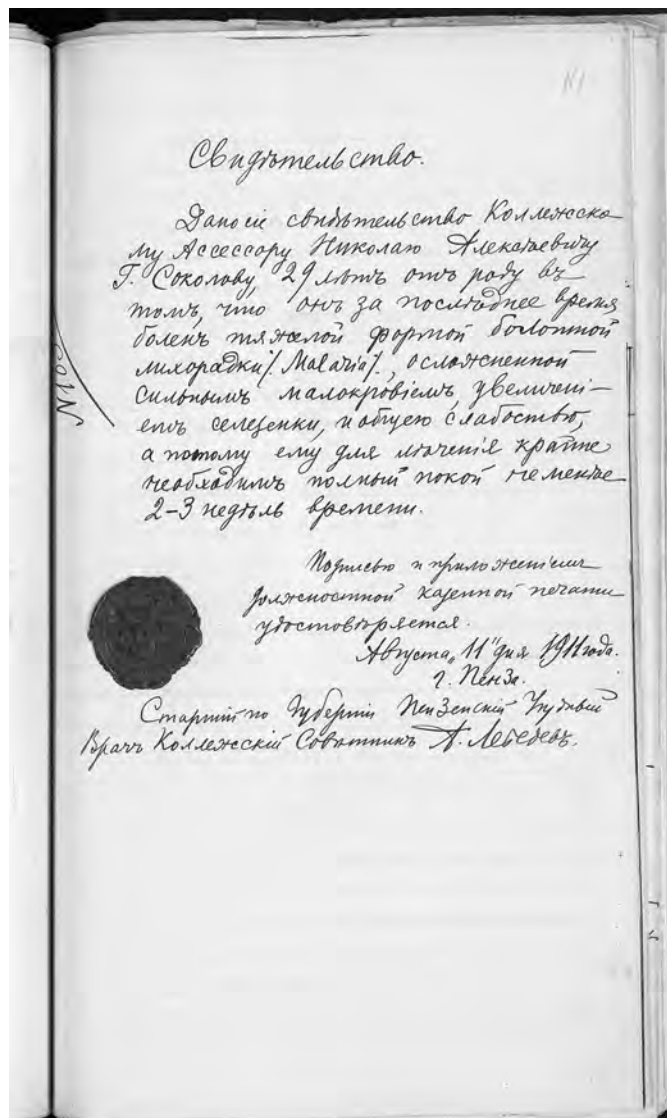
№ 1924 г. Пенза

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Имею честь донести Суду, что я принял все дело-
производство по 1 следственному участку Пензен-
ского уезда от старшего Кандидата Б.В.Иванова 22
сего августа, согласно прилагаемой при сем описи.
При сем представляю свидетельство о моей болезни.

И.Д. Судебного следователя Н.Соколов

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 110.

**Медицинская справка от 11.08.1911 года
о состоянии здоровья Н.А.Соколова.**

СВИДЕТЕЛЬСТВО

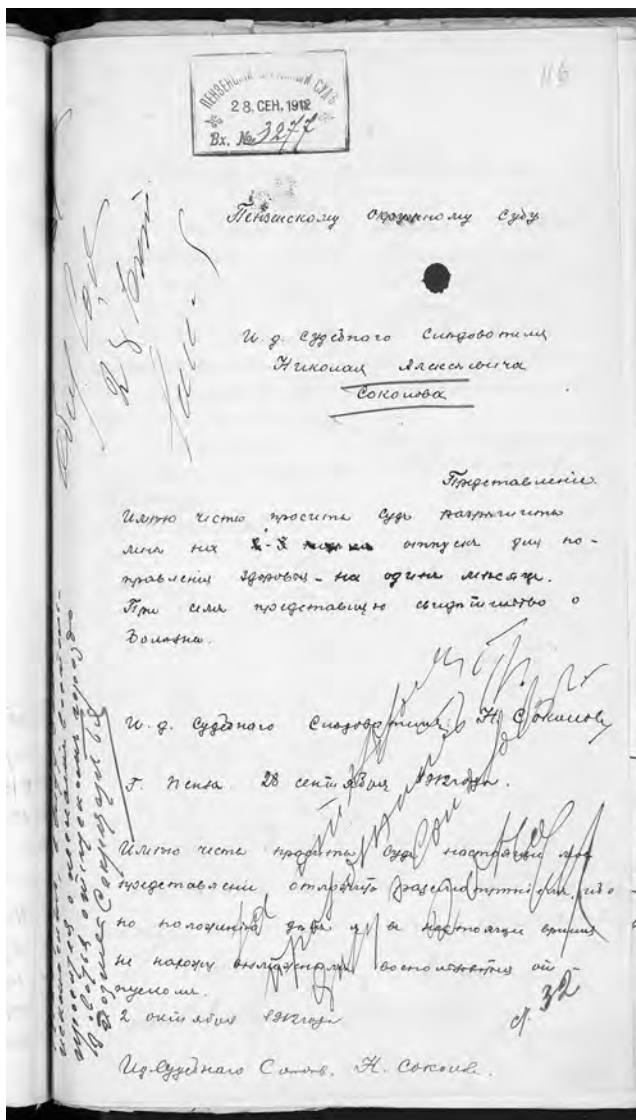
Дано сие свидетельство Коллежскому Ассессору
Николаю Алексеевичу (господину) Соколову, 29 лет
от роду, в том, что он за последнее время болен тя-
желой формой болотной лихорадки, осложненной
сильным малокровием, увеличением селезенки и
общей слабостью.

А потому ему для лечения крайне необходим пол-
ный покой. Не менее 2-3 недель времени. Подписью и
приложением должностной казенной печати удосто-
веряется.

Августа 11 дня 1911 года
г. Пенза

Старший по губернии, Пензенский Уездный врач
Коллежский советник А.Лебедев

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 111.

**Прошение Н.А.Соколова
Пензенскому Окружному Суду от 28.09.1912
о предоставлении отпуска по болезни.**

Пензенскому Окружному Суду
и.д. Судебного следователя Соколова Николая
Алексеевича

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

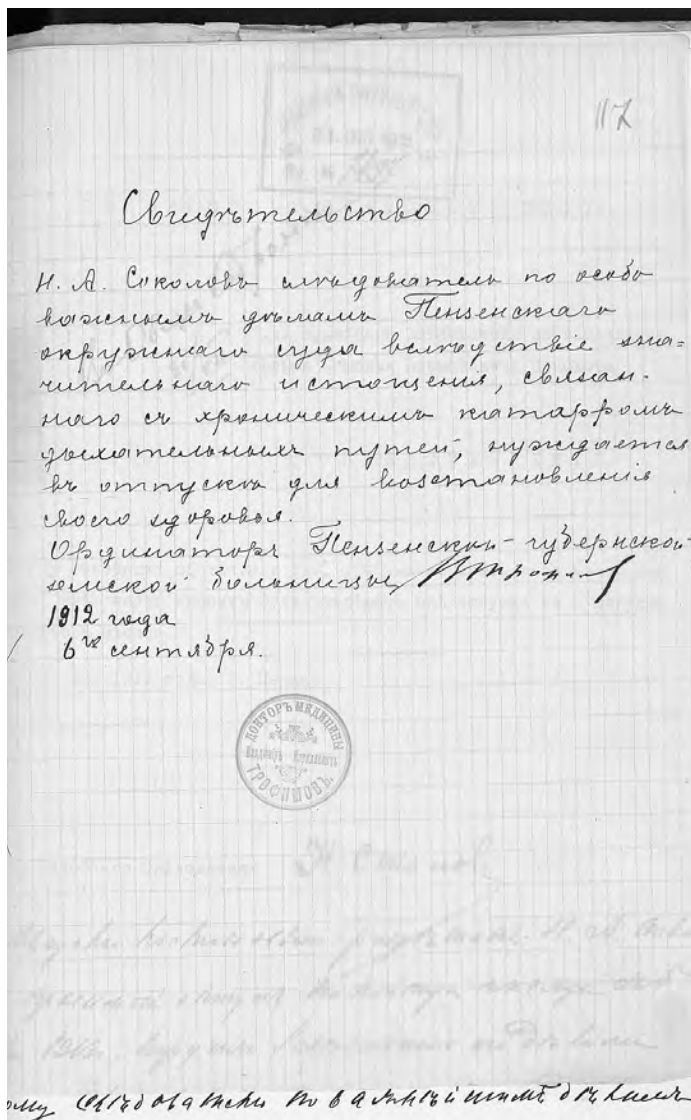
Имею честь просить Суд разрешить мне отпуск для поправления здоровья – на один месяц. При сем представляю свидетельство о болезни.

И.д. Судебного следователя Н.Соколов

г. Пенза, 28 сентября 1912 г.

Имею честь просить Суд настоящее мое представление отложить рассмотрением, ибо по положению дел в настоящее время я не нахожу возможным воспользоваться отпуском.

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 116.

**Медицинская справка от 06.09.1912
о состоянии здоровья Н.А.Соколова.**

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Н.А.Соколов, следователь по особо важным делам Пензенского Окружного Суда, вследствие значительного истощения, связанного с хроническим катаром дыхательных путей, нуждается в отпуске для восстановления своего здоровья.

Ординатор Пензенской Губернской земской больницы В.Трофимов

1912 года 6 сентября

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 117.

**Прошение Н.А.Соколова
Пензенскому Окружному Суду от 20.06.1915 года
о предоставлении отпуска по болезни.**

Общему собранию отделений Пензенского Окружного Суда

И.Д. Судебного следователя Николая Алексеевича Соколова

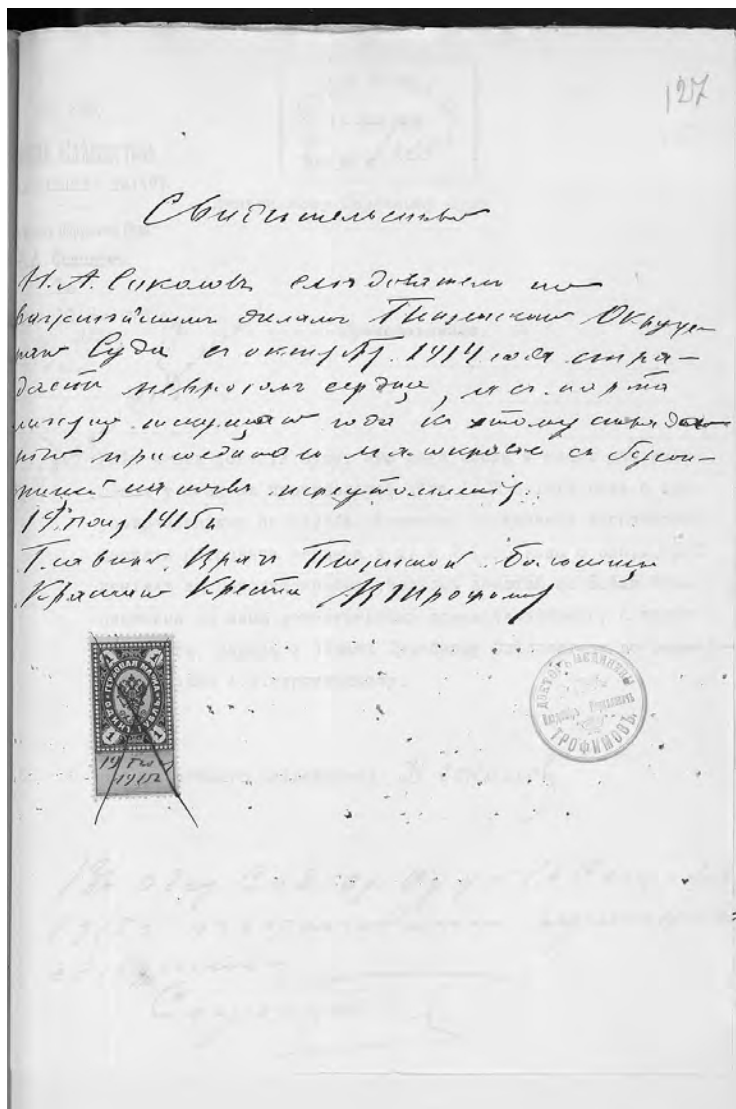
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Представляя при сем свидетельство доктора медицины В.К.Трофимова о моей болезни, имею честь почтительнейше просить Суд разрешить мне для поправления здоровья на 2 месяца отпуск с 24 июля сего года.

г. Пенза, июня 20 дня 1915 г.

и.д. Судебного следователя Н. Соколов

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 126.

**Медицинская справка от 19 июня 1915 года
о состоянии здоровья Н.А.Соколова.**

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Н.А.Соколов, следователь по особо важным делам Пензенского окружного суда с октября 1914 года страдает неврозом сердца, а с марта месяца текущего года к этому присоединилось малокровие на почве переутомления.

19 июня 1915 года Главный врач Пензенской больницы Красного Креста В.Трофимов

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 127.

В. Срочно.

139

Пензенскому Окружному Суду

И. Алексеевич
И.д. Судебного Следователя по важнейшим
делам Н.А.Соколова

Представление.

Имѣю честь просить Судъ освободить меня отъ исполненія обязанностей службѣ въ виду моей болѣзни, совершенно лишившей меня въ настоящій моментъ возможности производить предварительныя слѣдствія.

Свидѣтельство врача мною будетъ представлено дополнительно. При этомъ доношу, что уголовной милиціей задержанъ въ настоящее время обвиняемый въ погромѣ магазиновъ г. Пензы Кожевниковъ, скрывшійся отъ слѣдствія, срокъ допроса коего, установленный 398 ст. у.у.с., истекаетъ 12 декабря.

И.д. Судебного Следователя

Н.А.Соколовъ

Уч. 11 Делаб.

с. 1146 и 1147.

**Прошение Н.А.Соколова
Пензенскому Окружному Суду от 20.06.1915 года
о предоставлении отпуска по болезни.**

Весьма срочно
Пензенскому Окружному Суду
И.д. Судебного следователя Николая Алексеевича Соколова

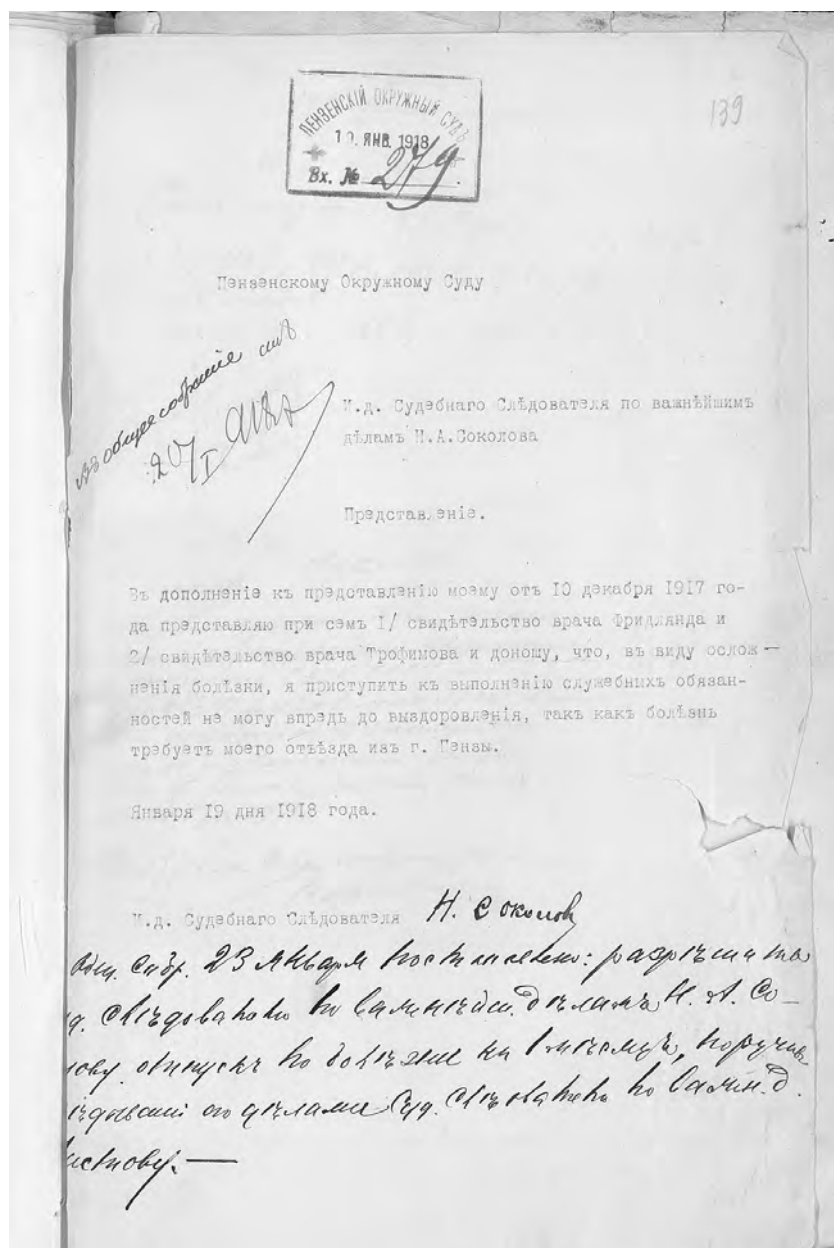
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Имею честь просить Суд освободить меня от исполнения обязанностей службы, ввиду моей болезни, совершенно лишившей меня в настоящий момент возможности производить предварительные следствия. Свидетельство врача мною будет представлено дополнительно.

При этом доношу, что уголовной милицией задержан в настоящее время обвиняемый в погроме магазинов г. Пензы Кожевников, скрывшийся от следствия, срок допроса коего, установленный 398 ст(атьи) у(головного) с(удопроизводства), истекает 12 декабря.

И.д. Судебного следователя Н. Соколов

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 138.

**Донесение Н.А.Соколова Пензенскому Окружному Суду от 19.01.1918 года
о невозможности приступить к исполнению служебных обязанностей до полного выздоровления.**

Пензенскому Окружному Суду
И.Д. Судебного следователя по важнейшим делам
Николая Алексеевича Соколова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В дополнение к представлению моему от 10 декабря 1917 года представляю при сем:
1) Свидетельство врача Фридлянда и 2) Свидетельство врача Трофимова
и доношу, что в виду осложнения болезни я приступить к исполнению служебных обязанностей не могу,
впредь до выздоровления, так как болезнь требует моего отъезда из г. Пензы.

Января 19 дня 1918 года
И.д. Судебного следователя Н.Соколов

Общ(им) собр(анием) 23 января постановлено:
разрешить и.д. следователя по важнейшим делам Н.А.Соколову отпуск по болезни на 1 месяц, поручив
ведение его делами Суд(ебному) Следователю по важн(ейшим) д(елам) Листову.

ГАПО Фонд 42. Опись 1. Дело 113. Лист 139.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «МЕМОРИАЛ РОМАНОВЫХ»

История проведения Романовских Чтений началась в 1990-х годах. Славная традиция ежегодных встреч историков и исследователей эпохи династии Романовых, их вклада в развитие нашего государства была инициирована Александром Николаевичем Авдониным – российским геологом, доктором геолого-минералогических наук, одним из первооткрывателей места захоронения останков царской семьи.

На протяжении многих лет благотворительный фонд «Мемориал Романовых» содержит и развивает место обнаружения царских останков – Поросенков Лог. С 2014 года территория официально признана объектом культурного наследия.

Каждый день и в любое время года мы встречаем гостей. Люди едут из всех стран и городов. Интерес к истории этого периода очевиден и неподделен.

Благотворительный фонд «Мемориал Романовых» ведет и другую масштабную, социально-культурную, просветительскую работу. Мы занимаемся выявлением и восстановлением, реконструкцией исторических памятников, мест и объектов культурного наследия, посвященных семье Романовых, в том числе снесенных, демонтированных, уничтоженных.

Мемориальная доска И.К.Слюсареву.

24 февраля 2018 года нами была открыта целая серия мемориальных досок: на доме (ул. Красноармейская, 89 а), в котором жил Герой Советского Союза Ахмадулла Хозеич Ишмухамедов; на месте передачи Романовых Уралсовету (ул. Вишневая, 22 б); на доме уральского художника Ивана Кирилловича Слюсарева (ул. Хохрякова, 62).

21 августа 2021 года мы открыли информационную доску на доме, в котором жил архитектор Екатеринбурга Константин Трофимович Бабыкин.

14 мая 2022 года на железнодорожном вокзале г. Екатеринбург

га открыли мемориальную доску Николаю Николаевичу Ипатьеву и Константину Трофимовичу Бабыкину.

3 октября 2022 года – памятный знак о Сибирской армии в Екатеринбурге.

7 октября 2022 года на Михайловском кладбище Екатеринбурга создали и открыли новый памятник знаменитой Ольге Михайловне Весёлкиной.

22 апреля 2023 года мы восстановили памятники знаменитым уральским камнерезам Хомутовым.

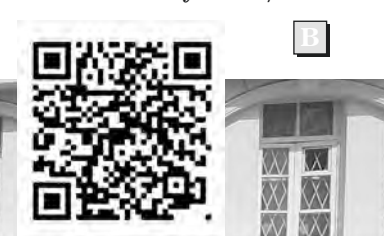
5 мая 2023 года на главном фасаде бывшего дома Харитоновых нами была открыта мемориаль-

Мемориальная доска на месте передачи Романовых Уралсовету на железнодорожной станции Екатеринбург-3, товарная, на ул. Вишневой, 22б.

ная доска в память об императоре Александре I.

Наш фонд проводит экскурсии: «Белый Екатеринбург», «Старая Коптяковская дорога (последний маршрут царской семьи в Екатеринбурге)», «Уральский некрополь (погосты Екатеринбурга)», «Мемориал Романовых» – на маршруте более 40 объектов, связанных с уральским этапом истории Николая II, членов его семьи, их приближенных и слуг. Все подробности представлены на нашем официальном сайте <https://www.memorialromanovyh.info/ekskursii>

На открытии мемориальной доски Александру I.

Е.Подкорытова. «Крейсер Пересвет. Николай II».

АДРИЙ МОСТЪ
Е.В.
Слонд